

ЗАШИСКИ

**ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР**

I

1952

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР • ЛЕНИНГРАД

Е. ЖУКОВ

К характеристике японского социал-фашизма

Развитие японской социал-демократии после всемирной империалистической войны 1914—18 гг. с неумолимой неизбежностью привело ее к социал-фашизму; но на значительно более ранних этапах японского рабочего движения уже вполне отчетливо сложились те условия, которые обеспечили весь чрезвычайно быстрый процесс созревания японского оппортунизма.

Указания Ленина на экономические корни оппортунизма вообще в полной мере справедливы и по отношению к известной части японского рабочего движения. Капиталистическая монополия, небывало усиливающаяся в эпоху империализма и обеспечивающая возможность привилегированного существования некоторым верхушечным прослойкам пролетариата, является основным фактором, помогающим укреплению оппортунистических тенденций в рабочем движении. Сами же эти тенденции могут вырастать и из постоянного воздействия на пролетариат той мелкобуржуазной стихии, которая в условиях капитализма неизбежно его окружает, так что «китайской стены между пролетариатом и соприкасающимися с ним слоями мелкой буржуазии нет и быть не может» (Ленин).¹ Успешное развитие японского капитализма вплоть до начала двадцатых годов XX в. сопровождалось получением колоссальной сверхприбыли за счет колониальной монополии, последовательно укреплявшейся в результате военных успехов японского империализма. Эта колониальная монополия Японии, как указал Ленин (говоря о Японии и царской России), «монополия военной силы... или особого удобства грабить Китай и пр.». Она «отчасти восполняет, отчасти заменяет монополию совре-

¹ Ленин, т. XI, ч. 2, стр. 134.

менного новейшего финансового капитала».¹ Это замечательное указание Ленина чрезвычайно красочно и абсолютно точно характеризует все существо молодой империалистической Японии, выступавшей в качестве империалиста еще до того, как начал оформляться собственно японский финансовый капитал.² Военно-колониальная монополия определяла темпы и пути развития японского капитализма, причем именно территориальная близость Китая дала японскому капитализму столь легкую возможность чрезвычайно быстро перешагнуть в империалистическую фазу. Национальный доход Японии за десятилетие, прошедшее со времени реализации успехов японо-китайской войны до японо-русской (с 1897 г. по 1907 г.) вырос с 429 до 1 532 миллионов ен, т. е. в три с половиной раза. Следующее десятилетие дает более замедленный рост, но с 1917 г. по 1922 г. национальный доход вырос сразу в 4 $\frac{1}{2}$ раза. За годы мировой войны, когда Япония выступает в роли абсолютного хозяина Китая (1915—19 гг.) активный баланс во внешнеторговом обороте Японии составил 1 200 000 000 ен. В дальнейшем, уже при пассивности торгового баланса стал прогрессивно увеличиваться экспорт капиталов из Японии тоже за счет Китая. В 1923 г.—32 000 000 ен, в 1924 г.—96 000 000 ен, в 1925 г. снижение до 60 000 000 ен. В 1924 г. общая сумма инвестированного Японией за рубежом капитала составила 1 811 000 000 ен. Естественно, что все эти цифры дают некоторое представление о том, что в Японии существовала, и отчасти и сейчас еще существует объективная возможность подкупа некоторых верхушечных слоев пролетариата являющихся основной базой оппортунизма. Но и второй момент, указанный Лениным, характерный для развития оппортунизма,—влияние на пролетариат мелкобуржуазной, главным образом, крестьянской стихии—также имел и имеет место в Японии. Достаточно указать хотя бы на чрезвычайную текучесть состава рабочих в одной из важнейших отраслей японской промышленности—в текстильной промышленности. Связанность с земледелием у этой громадной группы рабочих чрезвычайно велика. Просачивание в среду рабочего класса мелкособственнических, а подчас и просто феодальных взглядов и представлений сильно затрудняет процесс классовой консолидации японского пролетариата и питает реформистские тенденции. В нема-

¹ Ленин, т. XIII, стр. 478.

² Достаточно указать, например, на тот факт, что несмотря на огромную роль банков в Японии уже в первые годы XX в., экспорт капиталов из Японии начался лишь в годы мировой войны 1914—18 гг.

лой степени этому способствует и обилие мелких предприятий полукустарного типа в Японии, где сплошь и рядом до сих пор сохраняются цеховые пережитки.

Наконец, неоднородность и двойственность тактики, применяемой буржуазией в ее борьбе против пролетариата за свое господство, как указывает Ленин, также порождает или усиливает ревизионизм в рабочем движении. Метод насилия — фашизм и метод реформ — либерализм (или демократизм) неизменно чередуются или переплетаются в практике капиталистического государства, и это вызывает соответствующий отклик и в среде рабочего класса. Метод реформ облегчает буржуазии укрепление позиций оппортунизма в рабочем движении, но по мере усиления революционно-классовой тенденции у пролетариата, буржуазия все чаще и длительнее применяет метод фашизма. Третий кризисный период развития мирового капитализма характеризуется всеобщим процессом фашизации капиталистического мира, служащей подготовкой к решающим классовым битвам. В соответствии с этим ревизионизм, приспособившийся в прошлом к либеральной, реформистской политике буржуазии, вынужден приспособливаться к фашизму, находить ему оправдание в низах пролетариата, подавать пример шельмования «демократических» институтов и приучать массы к «неизбежности» политики грубого политического и экономического принуждения. Последнее десятилетие в Японии характеризуется необычайно резким, почти фантастическим переплетением двух тактик, применяемых буржуазией для закрепления своего господства. Послевоенный мировой экономический кризис, охвативший японское народное хозяйство, с особенной силой (в виду утраты Японией монопольного обладания дальневосточными рынками, завоеванными ею благодаря временному отсутствию американского и английского конкурентов), послужил первым толчком, побудившим японский капитализм искать новых путей в оформлении своей внутренней политики. Либеральный курс, официально взятый в 1920 г. после долгих годов открытой реакции, ставшей уже традиционным методом господства японских помещиков и капиталистов, просуществовал два года и только в 1923 г. «дополнился» разнузданным полицейским террором в отношении революционных элементов в рабочем движении. Интенсивная подготовка широких «демократических» реформ сопровождалась не менее интенсивной разработкой драконовских мер по «обузданию» укреплявшегося пролетарского движения. 1925 год ознаменовался изданием двух документов, которые отчетливо отразили твердое

намерение буржуазии и в дальнейшем практиковать сочетание тактики террора и тактики «демократического» обмана масс, отдавая, впрочем, явное предпочтение первой из них. Гальванизация парламентаризма, произведенная при помощи избирательной реформы 1925 г., одновременное издание знаменитого закона об охране общественного порядка и ревностное применение этого закона — определяют собою тактическую линию японского капитализма за последнее время. Естественно, что это не могло не вызвать соответствующих изменений и в рабочем классе, не могло не усилить оппортунистические элементы в их специфическом преломлении с одной стороны, но не могло также не способствовать консолидации революционного крыла, с другой.

Третий кризисный период развития капитализма в Японии, как и во всем мире, необычайно усилил процесс крайнего обострения классовой борьбы и укрепил агрессивные фашистские тенденции правящих классов. Но поэтому, насколько общая оценка современной Японии должна быть посвящена именно этому моменту, характерному для данной исторической обстановки, в такой же мере характеристика современного реформизма в японском рабочем движении является характеристикой японского социал-фашизма.

Несмотря на то, что зарождение японского рабочего движения относится к двум последним десятилетиям XIX в., японская социал-демократия не имеет длинной истории, и поэтому она, во всяком случае, лишена тех традиций политического руководителя рабочего класса в прошлом, которыми характеризуется германская социал-демократия. Тем не менее некоторые специфические моменты первичного японского рабочего движения, с самого начала принявшего социалистическую окраску, оказали серьезное влияние на позднейший процесс формирования японской социал-демократии. Однако, определяющим моментом в этом процессе явилось не это влияние, а главным образом существенно изменившаяся новая историческая обстановка.

Когда современные «рабочие лидеры» Японии слишком часто прибегают к языку исторических аналогий, долженствующих теоретически «обосновать» обусловленность всех их действий «имманентными законами» мирового рабочего движения,¹ то это не более чем политический маневр.

¹ Лидер «левого» социал-фашизма, небезизвестный Ояма Икуо спекулирует на симпатиях массового японского читателя и помещает в журнале «Кайдзо» статью: «Ленин периода „Искры“», стремясь уверить, повидимому в том, что рабочее движение в Японии переживает сейчас искровскую эпоху, а он — Ояма выполняет функцию Ленина (журнал «Кайдзо»

Организационное оформление самостоятельных массовых «пролетарских» политических партий произошло в Японии лишь в период 1925—1928 гг. т. е. как раз тогда, когда со всей яркостью начала проявляться третья кризисная стадия в развитии мирового капитализма, когда всеобщий процесс фашизации стал необычайно ускоряться и когда, следовательно, международная социал-демократия приобрела уже все качества социал-фашизма.

Естественно, что весь характер японской социал-демократии, оформившейся в этот период, в сильнейшей степени определялся специфичностью данной обстановки. Естественно, поэтому, что и все попытки откровенно реакционных и «левых» лидеров японского рабочего движения оперировать тактическими лозунгами германской социал-демократии конца прошлого столетия (ссылаясь на то, что японская социал-демократия переживает в данный момент ту стадию, на которой пребывало германское рабочее движение в 80—90-х годах), представляют собою очевидный обман.

Массовые социал-демократические партии в Японии родились в эпоху социал-фашизма. Несмотря на вполне понятное желание даже правых лидеров представить себя принципиальными реформистами, общий процесс фашизации капиталистического отечества с неизбежностью приводит к фашизации как их самих, так и руководимых ими «пролетарских» организаций.

Вся история японского рабочего движения показывает, что вплоть до конца мировой империалистической войны 1914—18 гг. в Японии не существовало в течение сколько-нибудь продолжительного времени прочной социалистической организации, связанной с рабочими массами. Ряд массовых выступлений рабочих в процессе развития стачечной борьбы в самом начале XX в., как правило, не был организационно оформлен существовавшими политическими объединениями и за немногими исключениями носил по преимуществу стихийный характер.¹

Это не значит, разумеется, что в довоенной Японии в рабочем движении не происходила борьба последовательной революционной классово-выдержанной пролетарской линии со всевозможными видами оппортунизма. Но

за 1931 г. № 2 и № 3). Другой «теоретик» (Мукодзака), также желая ввести читателя в курс совершающихся в Японии событий, трактует, как наиболее близкую японской современности, эпоху бисмарковских исключительных законов против социалистов (журнал «Кайдзо» за 1930 г. № 1).

¹ Сами эти политические объединения в течение долгого времени создавались либо под профсоюзной оболочкой, либо под видом внешне аполитичных кружков по изучению социальных проблем, клубов взаимопомощи и т. п.

сама эта борьба протекала в неравных условиях: весь характер развития помещичье-буржуазной Японии оказывал задерживающее влияние на политический рост японского пролетариата. И если не столь легко «обнаружить» в истории японского рабочего движения до мировой войны революционные пролетарские организации, то значительно легче проследить генеалогию японского социал-фашизма.

Современный японский социал-фашизм возник и развивался, разумеется, не в безвоздушном пространстве. Он «расцвел», имея совершенно определенную социальную базу, прочные корни в прошлом, позволившие ему вести борьбу с классово-пролетарской революционной тенденцией в японском рабочем движении.

Организационное оформление того ядра, которое послужило опорой буржуазии внутри рабочего класса Японии и явилось корнями будущего социал-фашизма, произошло перед мировой войной.

Образование первой реформистской рабочей организации, объединявшей довольно крупный слой рабочих в Японии относится к 1912 г. Характерными чертами этой организации (Юайкай) являлись, во-первых, совершенно явно верхушечные группы рабочих, которых она объединяла, во-вторых, участие крупных капиталистов в ее создании. Образованная под покровительством барона Сибусава ассоциация высокооплачиваемых категорий рабочих военной и судостроительной промышленности и морского транспорта, т. е. тех рабочих, которые в особенности, в своей верхушке оказались косвенно заинтересованными в милитаризме и колониальной политике японского империализма, поставив с самого начала перед собой цель способствовать защите рабочих интересов путем организации арбитража в «промышленных конфликтах» — эта ассоциация явилась краеугольным камнем при постройке здания того специфического японского трэд-юнионизма, который оказал столь задерживающее, разлагающее влияние на процесс классового самоопределения японского пролетариата. Стремление отказаться от всякой самостоятельной политической борьбы пролетариата, недопущение перерастания экономической борьбы в политическую — такова генеральная линия Юайкай и всех развивавшихся под его руководством организаций вплоть до 1919 г.¹ В 1919 г. откровенное сохранение этой линии оказалось уже

¹ Заслуживают внимания цифровые данные о числе забастовок, проводившихся непосредственно под руководством Юайкай: 1914 г. — 50, 1915 г. — 64, 1916 г. — 108, 1917 г. — 398, 1918 г. — 417, 1919 г. — 497. При этом интересно отметить, что в забастовках 1919 г. приви-

невозможным. Общий революционный подъем 1918—19 гг. острее всего проявился в японской деревне, но он сказался и на стихийном развитии стачечного движения городского пролетариата. Отдельные политические стачки, имевшие место в 1919 г. выявили факт достаточно далеко зашедшей внутренней дифференциации даже внутри наиболее консервативного в Японии слоя организованных рабочих. Грубо реформистскому руководству Юайкай пришлось решительно менять свою тактическую линию. Организация Нихон Родо Содомэй¹ (на основе профессиональных союзов, объединявшихся Юайкай'ем) сопровождалась признанием необходимости выдвижения и защиты политических лозунгов пролетариата со стороны старого руководства. Несмотря на эти «уступки» массам, Нихон Родо Содомэй не сумел остаться единым объединяющим центром всего рабочего движения. Ожесточенная борьба между левым и правым Юайкай'ским крылом, происходившая внутри Содомэй, приводившая к многократным расколам, воссоединениям и новым расколам, в конце концов привела к тому, что Содомэй остался в основном средоточием ярко правых организаций и союзов рабочей аристократии и сравнительно небольшого числа союзов, объединяющих наиболее отсталые группы пролетариата.

Численность Содомэй в данный момент (1930 г.) составляет около 40 000 чел. В это число входят в основном металлисты, в том числе около 15 000 чел. металлистов из главнейших промышленных районов Японии, Токно-Июкогама и Осака и очень небольшая группа текстильщиков. Организационно независимы, но тем не менее в теснейшей связи с Содомэй, находится Нихон Кайин Кумиай (Японский союз моряков) и объединения государственных служащих и рабочих военно-морской промышленности. Эти союзы, особенно Нихон Кайин Кумиай, насчитывающие сейчас около 80 000 членов, были созданы несколько позднее, чем Содомэй (1921 г.), но с самого начала носили еще более реакционную окраску, и роль их в японском рабочем движении чрезвычайно своеобразна. Цеховщина, шовинизм и абсолютная сговоренность с хозяевами (будь то частные предприниматели или соответствующие государственные департаменты) резко выделяют эти организации даже среди прочих окровавленно соглашательских союзов. Так,

мали участие столь крупные предприятия как артиллерийские мастерские Коисикава;(Асоо Х. «Musanseito towa nanzo», стр. 62).

¹ С 1919 г. по 1921 г. организация носила название Дай Нихон Родо Содомэй Юайкай, а с 1921 г. стала называться просто Нихон Родо Содомэй.

например, Юсэнкоин Кьокай (Объединение работников судоходной компании Юсэн) и Сёсэн рипую Курабу (Клуб работников судоходной компании Сёсэн)—организации шкиперов, судовых боцманов и т. п., примыкающие к Нихон Кайин Кумиай, настолько неразрывно связаны с своими предпринимателями, что компании предоставляют союзным органам свое помещение. В Сёсэн Кайся «директор клуба» получает даже вполне официальное жалованье от компании.

Союз рабочих военно-морской промышленности, объединяющий около 40 000 чел. рабочих судостроительных заводов Урага, Исикавадзима, Июкогама и военных портов, а также союз государственных служащих (15 000 чел.), также в основном представляющий группу особо привилегированных рабочих военной промышленности (заводы в Осака, Нагоя, Курэ, Ёкосука и Майдзурю)—представляют собою единое целое в социальном отношении с Содомэй и Нихон Кайин Кумиай. Особенно с последним верхушку рабочих военной и военно-морской промышленности роднит заинтересованность в сохранении и увеличении военно-колониальной монополии японского империализма.

Мы привели здесь эти наиболее старые из ныне существующих рабочих организаций Японии для того, чтобы показать, какова была главная социальная база при формировании японской социал-демократии. Количество небольшая (максимум 200 000 чел.) и неизменно ограничиваемая и сужающаяся в обстановке кризисного развития японского капитализма, эта социальная база обладала до консолидации левых элементов чрезвычайно значительным влиянием в широких слоях японского рабочего класса. Помимо общей причины, заключающейся в известной отсталости японского пролетариата, благодаря значительной связанности его с деревней (колоссальной эксплуатации женского труда и проч.), влияние реформистов, как в период создания т. н. пролетарских политических партий основывалось, так и в данный момент основывается на применении ими защитной тактики «левых» жестов и «революционной» фразеологии. Широкий простор в этом отношении открывала сама правительственная политика японской буржуазии, на определенном отрезке времени выпячивавшая «демократическую» тенденцию в связи с реализацией «всеобщего» избирательного права, суда присяжных и иных демократических аппаратов. Немалую роль в деле обеспечения влияния реформистов играли ошибки руководства левых пролетарских организаций, ложное понимание тактики единого фронта и растворение в мас-

совых реформистских организациях с одной стороны, массобоязнь и сектантские ошибки — с другой.

Но несмотря на общий «демократический» курс всего периода, непосредственно предшествовавшего первым выборам на основе «всеобщего» избирательного права, и обилие «левых» жестов в реформистских кругах, более откровенное оппортунистическое лицо руководителей основного костяка японского оппортунизма — правых трэд-юнионов типа Содомэй заставляло на первых порах серьезно отличать их от «левых» и центристов, только чуть приступавших к организации массовых объединений с целью охвата основных категорий пролетариата и крестьянства. Это нашло свое отражение прежде всего в том факте, что как только обнаружилась опасность насильственного полевения первой политической партии, сколоченной реформистами под влиянием растущей политической активности деревенских полупролетарских слоев (некоторые местные отделы Нихон Номин Кумиай — Японского крестьянского союза, объединявшие широкие круги арендаторов), основной руководящий костяк Содомэй — гг. Судзуки Бундзи, Абэ Исо, Акамацу Кацумаро, Катаяма Тэцу и др. немедленно стали предпринимать шаги к организационному обособлению и противопоставлению своей собственной политической партии. Это весьма своеобразно отразилось на характере первой японской «пролетарской» политической партии: инициативу ее образования в значительной мере захватило в свои руки руководство крестьянского союза, а организованный пролетариат, объединенный в целый ряд мельчайших провинциальных профессиональных объединений (если не считать сравнительного «колосса» — Содомэй), оказался как бы «в стороне». На деле это, конечно, не так. Достаточно указать на ту роль, которую сыграло в образовании Родо Номинто оппозиционное ядро рабочих профсоюзов, оформившееся как Хьогикай.

Правое руководство Содомэй сумело, спекулируя на «крестьянском характере» Родо Номинто, в 1926 г. приступить к оформлению подлинной социал-демократической партии и создало ее под именем Сякай Минсюто.

С самого начала эта партия оказалась в чрезвычайно выгодных условиях: она опиралась на влиятельные и обладавшие серьезной материальной базой трэд-юнионы, ее руководство оказалось в руках авторитетного представителя «социалистической» теории — профессора Абэ. Наконец, не только левобуржуазные, но и правительственные круги приветствовали появление

новой партии как «призванной сыграть значительную роль в политической жизни новой Японии».

Результаты этого сказались при первой же серьезной политической кампании (парламентские выборы 1928 г.), когда все важнейшие рабочие центры Японии решительно вотировали за кандидатов Сякай Минсюто. Судзуки Бундзи получил подавляющее большинство голосов на выборах в одном из индустриальных районов Осака. Центристы и «левые» собирали голоса исключительно в аграрных округах, опираясь на местные крестьянские и арендаторские союзы. Но вместе с тем руководство Сякай Минсюто превосходно понимало, что, задавая тон рабочему движению на данном этапе его развития, оно не сможет функционировать достаточно успешно в дальнейшем, не располагая «левым» крылом, т. е. если не будет обеспечено социал-демократическое влияние на широкие массы пролетариата, которые несомненно должны активизироваться. Поэтому Сякай Минсюто весьма охотно шла и идет на оказание дружеской поддержки всем остальным, более «левым» «пролетарским» партиям. Очертив вокруг себя определенный программный круг, за границы которого нельзя перейти до поры до времени, не изменив своим основным принципам (мы убедимся далее, что при достаточно внимательном рассмотрении эти «принципы» оказываются явно буржуазным анти-марксистским минимумом), Сякай Минсюто с большой внешней готовностью вступает во всякого рода переговоры об условиях слияния с прочими пролетарскими политическими партиями, о создании единого фронта против буржуазных партий и т. д.¹

При этой широте своих взглядов Сякай Минсюто делает серьезное исключение, разумеется, для коммунистов. Всячески «предостерегая» рабочий класс от большевистской опасности, Сякай Минсюто нередко даже идет впереди правительственных буржуазных партий в отношении травли не только против коммунистических, но вообще против всех честных революционно-настроенных рабочих.

Несомненно, что и в период раздельного существования социал-демократических партий (5, 4, 3 и т. д.), также как при их слиянии идеологиче-

¹ Полагая, что деятельность и «теория» «левых» социал-фашистов заслуживают самостоятельной статьи, мы сознательно в настоящем изложении постараемся фиксировать внимание лишь на «кореннике» — на правых социал-фашистских организациях. Говоря кое-где и о «левых», мы не будем задаваться целью исчерпать их характеристику, учитывая в то же время, что «левый» социал-фашизм является худшим и опаснейшим врагом пролетарского революционного движения.

ским гегемоном являлось наиболее прочно консолидированное правое крыло — партия Сякай Минсюто. В то время, как все остальные «пролетарские» партии по несколько раз перестраивались, уничтожались и возрождались на новой базе, Сякай Минсюто существует неизменно со дня своего основания — с 1926 г.

Ввиду того, что Сякай Минсюто является основной организацией японской социал-демократии и в наиболее откровенной форме показывает лицо социал-фашизма, необходимо подробно остановиться на теоретических взглядах этой партии, дающих ключ к объяснению практической ее деятельности.

Богатую возможность в этом отношении доставляют популярно-теоретические работы видных представителей социал-демократического руководства, изданные в общей серии: «Политическая энциклопедия демократии» (Минсю сейдзи кодза) под общим наблюдением лидера Сякай Минсюто, проф. Абэ Исо в составе ответственных редакторов членов ЦК партии Катаяма Тэцу, Акамацу Кацумаро и Коикэ. Имена эти чрезвычайно популярны в японских политических кругах. Акамацу¹ в течение долгого времени считался весьма радикальным «вождем кансайского пролетариата» (промышленный район Осака Кобэ), Катаяма Тэцу находится в числе избранных «пролетарских» депутатов парламента. Сам проф. Абэ принадлежит к категории высокочтимых исторических реликвий, поскольку его имя связано с первыми шагами японского рабочего движения, когда он боролся рука об руку с тов. Катаяма Сэн.

Популярно-теоретическая серия заключает в себе ряд брошюр по всем важнейшим политическим вопросам. Перечислять их всех нет необходимости. Достаточно на примере 1—2 книг установить общий тон, присущий социал-демократическим теоретикам. При этом постараемся выбрать работы, посвященные наиболее злободневным для Японии темам.

Таковой из этой серии является прежде всего работа Миядзаки Тацуноскэ «О дипломатии по отношению к Китаю» (Гайси гайкорон, Токио, дек., 1928, 184 стр.), ибо она позволяет с величайшей яркостью представить себе основные установки социал-демократии в ее отношении к внешней политике японского империализма. Нечего и говорить, что вопросы «китайской политики» приобретают особенную, совершенно исключительную остроту

¹ Его считали соперником «более консервативного» Судзюки Бундзи.

для империалистической Японии в обстановке всеобщего кризиса капитализма, развивающейся китайской революции, при все большей и большей утрате монопольного положения японских товаров на китайском рынке, при нарастании противоречий между крупнейшими империалистическими странами в тихоокеанском бассейне.

Момент выхода в свет книги Миядзаки совпал как раз с периодом чрезвычайных затруднений для японского империализма в Китае: обнаружившейся неудачей интервенционистской тактики ген. Танака Гиити, возмущением одного из наиболее влиятельных вассалов японского империализма — маршала Чжан Цзо Лин'а и довольно серьезной кампанией анти-японского бойкота, проводившейся при благосклонном отношении бравшего в то время курс на получение «поддержки» со стороны САСШ нанкинского правительства и вызвавшей панику среди японских экспортеров.

Являясь таким образом весьма злободневной, и в момент выхода в свет и для нас теперь — когда началась новая и еще не виданная по размаху манчжурская интервенция, книга Миядзаки должна была служить двум задачам: во-первых, поскольку она была рассчитана на массового читателя, выявлению надлежавшей радикальной «демократической» программы действий по отношению к Китаю, с соответствующим арсеналом левых фраз, противопоставленных реакционной правительственной политике, во-вторых, книга должна была доставить японской буржуазии свидетельство в политической благонадежности социал-демократов и, так сказать, авансировать им доверие на будущее время. Но плюс к этому книга Миядзаки представляет особый интерес и потому, что собственно «китайской политике» посвящена лишь вторая половина книги. Вся же первая часть заключает в себе развернутое изложение общетеоретических концепций автора — члена Сякай Минсюто в прошлом и члена ЦК «единой» соц.-фашистской партии Дзэн коку Роно Тайсюто в настоящем по вопросам мировой политики.

Особый интерес представляют обще-теоретические построения автора, посвященные критике империализма. Попытавшись доказать, что империализм представляет собой простое сочетание милитаризма и капитализма (так и дается формула: милитаризм + капитализм = империализм), Миядзаки немедленно начинает полемизировать с коммунистами по вопросу о том, действительно ли империализм является последней стадией капитализма. Выдвигая против коммунистов столь примитивную аргументацию, как ссылка на то, что в результате мировой войны ни одна из мощных капиталистических стран

не погибла (о России автор предусмотрительно забывает) и, наоборот, послевоенный кризис, охвативший на время мировое хозяйство, блистательно преодолен (г-н Миядзаки писал это в декабре 1928 г.), социал-демократический теоретик приходит к выводу, что «люди из коммунистической партии» чрезвычайно преждевременно и субъективно оценивают данную стадию капитализма как период его распада. Успокоив таким образом респектабельную часть читателей своей книги обещанием, что их дела не столь уж безнадежны, как это рисуют ошибающиеся коммунисты, автор спешит отдать должное и своим социалистическим принципам. Он говорит: «Поскольку мы думаем, что империализм и впредь еще покажет свою силу, то международные войны в различных формах и видах еще будут, вероятно, продолжаться. Ввиду этого, сегодняшней задачей японской демократии является изучение способов того, как установить право равного существования между всеми расами и национальностями, как в международном масштабе уничтожить империализм и в масштабе страны ликвидировать «капитализм» и как утвердить «реальный всеобщий мир» (разрядка моя). Поставив перед собой и перед японской демократией возвышенную задачу исследования способов уничтожения существующих общественных отношений, автор переходит к беглому анализу всех имевших место в прошлом попыток изменить мир. Он с легким пренебрежением говорит о бесплодном спекулятивном пацифизме Христа и Будды, но зато с большей долей сочувствия отзывается о «реальных пацифистах», перечисляя при этом весь блистательный пантеон мужей — поборников мира, начиная от министра Генриха IV Наваррского Сюлли и кончая небезызвестным инициатором Гаагской мирной конференции 1898 г. кровавым «пацифистом» Николаем II Романовым (стр. 34). Г-ну Миядзаки, видимо, особенно не легко развешивать то дело, касательство к которому имел сам последний «самодержец всероссийский». Он стремится поэтому подчеркнуть, что постоянный международный третейский трибунал, созданный в Гааге в 1898 г. «до сегодняшнего дня разрешал многочисленные международные споры» хотя (с сожалением продолжает автор), разумеется, нельзя сказать, что благодаря этому удалось избежать бремени военных расходов и ужаса войны (стр. 34). Г-н Миядзаки объективен. Он говорит: «как бы ни прилагали старания всеобщие мирные конференции и третейский трибунал, но поскольку они не в состоянии коренным образом разбить империализм, уничтожить мировые войны совершенно невозможно» (стр. 34). Какие выводы из этого явствуют, автор не указывает. Далее мы будем

иметь случай убедиться в том, какую трактовку дает самому факту неустрашимости войн ближайший соратник и единомышленник автора — господин Мацусита. Но достаточно простого сопоставления утверждений г. Миядзаки 1) о том, что капитализм может еще благополучно и длительно развиваться (ибо империалистическая стадия вовсе не является последней), 2) о том, что при империализме войны неизбежны, 3) колониальная эксплуатация с необходимостью вытекает из самого существования империалистических стран¹ и 4) что в этой колониальной эксплуатации Япония играет весьма подчиненную роль по сравнению с Англией и САСШ, чтобы можно было сделать вывод о том, что японская демократия должна не только заниматься изучением методов ниспровержения капитализма, но и вести кое-какую подготовку к неизбежной войне, в которой «обиженному» японскому империализму будут противостоять «более реакционные империализмы» Англии и Америки.

Миядзаки следующим образом формулирует задачи своей эпохи: «Сейчас настала пора решить, каков тот путь, по которому должна пойти японская демократия... Когда, раскрыв свою собственную ценность и учтя международную обстановку, японская демократия осознает сама свою силу на великих всемирных путях, она сможет добиться того, чтобы ее оценивали как истинную всемирную великую демократию» (стр. 10). Нечего и говорить, что эти всемирные великие пути для Японии проходят через Китай и непосредственно к нему прилегающие территории. Отчетливо понимающий это с.-д. автор, вторую половину своей работы, уделенную непосредственно китайским делам, посвящает разоблачению промахов японского империализма в Китае и критике правительственной внешнеполитической линии, препятствующей, с точки зрения Миядзаки, быстрой реализации пан-японистской программы-максимум. Серьезный урон, который терпела грубо интервенционистская китайская политика Танаки в 1928 г., открывал широкое поле для либеральных демагогических заявлений с.-д., довольно плохо впрочем скрывавших заостренную агрессивность положительной программы действий, выдвинутой не только одним Миядзаки, но и рядом других авторов популярно-теоретических работ Сякай Минсюто.

На стр. 97 своего труда г-н Миядзаки выражает свое возмущение тем обстоятельством, что «стоившая столь много жертв» политика «умиро-

¹ Нечего и говорить, что ко 2 и 3 пункту мы можем вполне присоединиться.

творения», проводившаяся Японией в Северном Китае, являвшемся ареной непрерывающейся борьбы генеральских группировок, не дала никаких ощутимых результатов. Г-на Миядзакки приводит в негодование неловкость собственных империалистов, не сумевших обеспечить «законные» японские интересы в Китае. Упорство японской дипломатии в отстаивании северной линии, т. е. линии поддержки северных китайских милитаристов против юга, привело к дискредитированию Японии в глазах китайской демократии, центром которой является Нанкин, а вождем Гоминдан. Японская политика в Китае была столь неуклюжа, по мнению г-на Миядзакки, что непосредственным результатом ее явилось усиление лозунга: «долгой империалистов» и проведение бойкота японских товаров.

Нужно сказать, что негодование с.-д. теоретиков в достаточной степени лицемерно: они прекрасно сами понимают, что до той поры, пока это ей позволяла международная обстановка, Япония достаточно упорно обосновывалась и в Центральном Китае, не ограничиваясь экспансией в Северном Китае. Когда же полоса «военной монополии» пришла к концу, т. е. когда САСШ и Англия поспешили принять меры к ограничению специальных привилегий японского империализма в Китае, Японии не оставалось ничего иного, как только укреплять свои позиции в тех районах, в эксплуатации которых жизненно заинтересован весь японский капитализм в целом (Манчжурия и прилегающие к нему районы Сев. Китая). Поэтому, пытаясь из тактических соображений создать впечатление, что он возражает против всей исторически сложившейся политики японского империализма по отношению к Китаю, Миядзакки конкретно имеет в виду критиковать лишь официальный курс дипломатии Танака-Кухара, приведшей к тому, что при полной объективной возможности для Японии торговаться с Цзян Кай Ши и всем реакционным гоминдановским руководством, достигнуть этого на определенном этапе в полном объеме не удавалось.

Развивая свою основную концепцию о необходимости образования «Нового Интернационала», Миядзакки специальное внимание уделяет Гоминдану. При этом весьма характерной является попытка подвести идеологическую базу под будущий союз гоминданцев с японскими социал-фашистами. Обращаясь к истории советско-китайских отношений, автор утверждает, что так как Япония с самого начала заняла ложную позицию по отношению к китайской демократии, то именно потому Китай попал в лапы Сов. России. Сун Ят Сен ждал сочувствия и помощи в деле строительства китайского

национального государства от братской Японии, но «японское правительство и военная клика» помешали откликнуться на этот призыв. Поневоле Сун Ят Сену не оставалось ничего другого, как только подать руку России (стр. 109).

Нечего и говорить, что гаусное предательство революции, совершенное Цзян Кай Ши в 1927 г. изображается социал-демократическим теоретиком как благородный акт спасения родины от большевистской опасности.¹ «В Ханькоу», повествует Миядзакэ, «Бородин собрал уханьских рабочих и студентов и обратился к ним с речью, в которой, указывая на неискренность Цзян Кай Ши в деле осуществления национальной революции, сказал: «Почему Цзян Кай Ши не идет в Ханькоу?». Находившийся в Нанчане Цзян Кай Ши, услышав об этом, чрезвычайно изумился, но поразмыслив, начал постепенно понимать тайные замыслы Бородина и ранней весной 1927 г. объявил в Нанчане о разрыве с Россией» (стр. 110—111). В таком евангельском стиле изложена вся история революционных событий 1927 г.

Подчеркнув таким образом для японской буржуазии добропорядочность обманутого было коммунистами китайского «национального героя» Цзян Кай Ши, г-н Миядзакэ сурово отзывается об интервенции Японии в Китае в 1927 г. и 1928 г. «Двукратная посылка войск в Шаньдунь», говорит он, «потребовала свыше 50 000 000 пень». «Но какие дало это результаты? Какая выгода получена от этого. Разве эти репрессии не оставили в душе китайского народа лишь представления о том, что Япония — это империализм...» (стр. 140). Социал-фашистам в 1928 г. представлялась нерентабельной интервенционистская тактика в условиях господства в Китае столь милого и понимающего человека, как Цзян Кай Ши. Социал-демократическая душа г-на Миядзакэ «возмущается» некапиталистическими военно-феодальными методами колониальной эксплуатации, если есть полная возможность применения более утонченных способов, например, реализации братского союза родственных дальне-восточных «демократий» — гоминдановских палачей и гг. Судзуки и Абэ. «Восточный Интернационал», идею которого развивал г-н Судзуки Бундзи, в связи с попыткой создать дальневосточное объединение желтых профсоюзов, непременно должен был включать в себе цзян-кайшистскую партию — это явствует из того, что как только оформилось «устойчивое» гоминдановское правительство, цитируемый нами

¹ Сам Цзян Кай Ши изображается в роли невинного младенца, обманутого хитрыми большевиками.

автор, г-н Миядзаки Тацуноске немедленно, по поручению своей партии, совершил официальную поездку в Нанкин для переговоров с этим правительством (см. стр. 344 «Политический спутник пролетария», Февр. 1928, Токио, стр. 777).

Если не будет прямой интервенции, то можно еще поспорить о том, действительно ли Япония ведет империалистическую политику в Китае — так, видимо, рассуждал г-н Миядзаки. На стр. 145, кстати, он наконец «раскрывает» свою партийную принадлежность и, переходя к изложению позитивной деятельности японской «демократии в Китае», привлекает в качестве предельного аргумента официальную декларацию партии Сякай Минсюто по вопросам китайской политики. Либерально-пацифистская фразеология этого документа тщательно украшает идею японо-китайской дружбы, основанной на «функционировании Китая как вполне свободного независимого государства» (стр. 185). Датированная 27 VII 1928 г. и подписанная Центральным Исполкомом Сякай Минсюто, эта декларация (мы приводим ее полностью)¹ гласит следующее:

«То обстоятельство, что Китай находится на положении полукolonии и подвергается жестокому гнету со стороны всемирно мощных капитала и вооруженной силы, не только препятствует естественному надлежащему существованию и развитию китайской нации, но является причиной глубокого беспокойства, и в отношении международного положения китайского соседа — Японии, камнем преткновения для всеобщего мира. Поэтому установление для Китая права независимого существования, решительное проведение китайской демократией реорганизации своего единого государства на основе трех принципов сунятсенизма нужно рассматривать как вполне справедливую тенденцию. Если Япония сумеет это понять и окажет свою поддержку — это приведет к утверждению тесного японо-китайского союза, основанного на взаимном процветании, и мы твердо уверены, что это могло бы не только укрепить международные позиции Китая и Японии, но в дальнейшем реализовало бы освобождение всех угнетенных национальностей Востока и было бы действительным вкладом в дело создания всеобщего мира. С этой точки зрения мы выступаем за то, чтобы в вопросе о пересмотре японо-китайских договоров Япония первая проявила бы свою искренность и равно как и в вопросе об отмене экстерриториальности и

¹ Приложение, стр. 181—184.

восстановления таможенной автономии заняла такую позицию, чтобы повести за собою остальные державы. Когда, например, говорят о том, что Китай упраздняет договорные обязательства, относясь к ним, как к пустякам, и поэтому стремятся продлить действие договоров угрозами, то это обнаруживает продолжение традиционной невежественной и неосмотрительной политики по отношению к Китаю. Мы утверждаем, что при нынешней международной ситуации подобный политический курс японского государства является страшнейшей ошибкой. Те угрозы и предостережения, которые совсем недавно были сделаны японским правительством, неизбежно являются незаконными и реакционными, поскольку они сознательно стремятся воспрепятствовать разумному соглашению между Севером и Югом Китая и представляют собою откровенное вмешательство в его внутренние дела. Мы полагаем, что теперь, как и прежде, японские правящие классы не желают самостоятельного объединения китайского народа на основе справедливого самосознания. Нам ясно, что они явно и тайными путями препятствуют подобному объединению, и последние угрозы лишь выявляют традиционную политику «раскола севера и юга». Такая политика порождает подозрения, что Япония стремится заставить китайскую демократию установить японский протекторат над тремя восточными провинциями (Манчжурией) и, кроме углубления дурного впечатления от интервенции в Китае, проводимой правящими классами Японии, не даст никаких положительных результатов.

«Мы решительно заявляем, что японское правительство, учитывая сложную политическую обстановку на Востоке в настоящий момент, должно пересмотреть коренным образом традиционную ошибочную политику Японии в отношении Китая, отбросив все привходящие обстоятельства, оно должно понять движение китайской демократии за самостоятельность и национальное объединение и оказать ему поддержку. Если поразмыслить над особенно важными международными позициями Японии в Восточной Азии, то необходимо принять решение стать во главе других стран, опередить их и содействовать возрождению Китая. Этим будет достигнута величайшая слава в политическом мире Восточной Азии. Сознывая, что китайская проблема в данный момент приобрела особую остроту, мы требуем от нашего правительства коренного изменения политики в Китае.

Центр. Исп. Ком. Сякай Минсюто».

Из всего содержания и тона этого бесславного документа явствует, что ни о какой перемене политического курса в Китае Сякай Минсюто не помышляет. Во всей декларации красной нитью проходит лишь одна мысль, которую социал-фашисты хотят внушить своей буржуазии: «данный момент является неблагоприятным для интервенционистской тактики и требует политики примирения с Цзян Кай Ши, распространения японского влияния путем спекуляции на «расовой солидарности» и противопоставления японской дружественной линии по отношению к Китаю политическим курсам Англии и САСШ. Своей декларацией авторы одновременно поддерживают в массах веру в то, что японский империализм способен на политику дружбы по отношению к Китаю, что он не хочет аннексии или даже протектората над Манчжурией, что он в состоянии служить делу . . . национального освобождения угнетенных стран Востока. Даже словоохотливый г-н Миядзакэ не столь щедро украшал фасад японского империализма, как это делает официальный документ японской социал-демократии. В заключение своей работы, сделав несколько ссылок на количественное преобладание пролетарских слоев населения в Японии, что, по его мнению, само по себе обеспечивает возможность установления прочного контакта с китайской демократией, Миядзакэ заявляет: «Социал-демократическая партия (Сякай Минсюто) с момента своего основания солидаризировалась с гоминдановским движением в Китае. Отсюда и исходит наше желание оказать ему поддержку» (стр. 162). Бесспорно, что по мере того, как все рельефное и рельефнее вырисовывался палаческий контур Гоминдана, японские социал-фашисты в еще большей мере должны были начать испытывать по отношению к нему дружеские чувства.

Антикоммунистическая клевета, совершенно обязательная для каждого социал-демократа в его борьбе за овладение массами, плюс прикрытие империалистической политики Японии в Китае, приближающаяся к чисто фашистской агитации за пан-Японию — таково общее содержание «теоретической» работы г-на Миядзакэ.

Немногим отличаются от нее произведения всех остальных с.-демократических литераторов. Если учесть специфичность проблемы вооружений и подготовки к империалистической войне в условиях японской действительности, то специальный интерес представляет работа (из той же серии) г-на Мацусита (Ходан) «Реформа военной системы» (Гунсэй Кайкаку рон, Токио, окт., 1928, 120 стр.). Некоторое отличие этого произведения от

«трактата» г-на Миядзаки заключается в том, что автор его излагает главным образом позитивную программу действий социал-демократов в вопросах «национальной обороны». Работа в целом производит впечатление большей четкости: теоретизирование подчинено изложению конкретных мероприятий, долженствующих усилить боеспособность вооруженных сил Японии и сократить накладные расходы в японском военном бюджете. Некоторый, неизбежный в условиях популярного изложения, элемент «словесности» направлен г-ном Мацусита в основном на выяснение беспочвенности пацифистских представлений о том, что возможно и индивидуальное разоружение наций. «Изолированное разоружение не более чем пустая идея». Национальная оборона это есть защита государства от внешнего врага. Она охраняет существование государства от угрожающего ему внешнего врага и гарантирует процветание нации» (стр. 4). Несколько ниже на стр. 9 автор подкрепляет свою концепцию следующим образом: «Отмена вооружений — наш идеал. Нужно, во что бы то ни стало к нему продвигаться. Но он может быть достигнут лишь на основе соглашения всех стран. Мы уверены в том, что немедленное разоружение каждой страны по отдельности фактически невозможно. Это значит, что национальная оборона признает необходимыми вооружения, существующие для справедливой защиты». После столь лаконичной «общетеоретической» формулировки автор переходит непосредственно к выяснению того, какой объем должны иметь мероприятия, связанные с обеспечением национальной обороны. Прочитывая при этом не без сочувствия слова адмирала Като Томосабуро о том, что национальная оборона включает в себя промышленное производство и тысячи других вещей, а вооружения это лишь часть обороны (стр. 4), автор авторитетно указывает, что «национальная оборона — это, в сущности, все государственные установления, ставящие своей целью охрану существования государства. Воспитание, промышленность, экономика, политика и все остальное неизменно связаны с обороной» (стр. 5). Автор обнаруживает при этом поразительное единство мнений с теоретиком французских социалистов и специалистов по военным вопросам г-ном Полем Бонкуром. Это единство не ограничивается констатацией определенных положений, но распространяется и на практические выводы. Г-н Мацусита дает развернутую программу действий для будущего социал-фашистского военного министра, имеющую ту основную установку, которая характерна и для г-на Бонкура: создание вооруженной нации, иначе говоря, стопроцентная милитаризация страны.

Как и подобает социал-демократу, г-н Мацусита делает в начале ряд оговорок о том, что его план организации национальной обороны преследует исключительно задачи мира и совершенно исключает всякие агрессивные соображения.

Прежде всего г-н Мацусита нападает на узаконенное в Японии автономное положение внутри государственного аппарата, которое занимают военное и военно-морское ведомства, и резко критикует монополию военной клики в деле организации «национальной обороны». Как истый и честный поборник капитализма, г-н Мацусита не хочет допустить, чтобы его самого и его друзей оттирали от участия в столь ответственном деле, как подготовка к новой империалистической войне. Г-н Мацусита дальновиден, и он предвидит, какие трудности могут стать на пути у военного командования, если оно столкнется с организованным отпором и ненавистью к войне у широких рабочих и крестьянских масс. Только социал-фашизм и, в особенности, его левое крыло могут обеспечить японскому империализму более или менее бесперебойное подчинение ему всей его «нации» на случай войны. «Вопросы национальной обороны — политические вопросы», говорит г-н Мацусита (стр. 35). Между тем «план национальной обороны, согласно нынешней системы, составляется военными, военными же и утверждается. На наш взгляд это совершенно ошибочная система» (стр. 34). Автор предлагает поэтому упразднение ныне существующих высших военных органов: главного штаба, главного морского штаба и высшего военного совета и создание взамен их состоящего под контролем и руководством премьер-министра широкого Совета национальной обороны (Кокубо Кайги). Основное преимущество этой организации г-н Мацусита видит в том, что она «сделает специалистов всех отраслей участниками определения линии национальной обороны. Мы не думаем, разумеется, совершенно исключать военных из этой организации. Участие военных абсолютно справедливо. Но мы считаем, что степень уважения к мнению военных должна быть равной степени уважения к мнению специалистов остальных отраслей» (стр. 36—37). Расшифровать, кого автор понимает под этими специалистами других отраслей, не трудно, если взять его утверждение, что в числе факторов, определяющих военную политику, должны находиться: воспитание, производство (промышленность), экономика и политика. Нарочитая безграмотность такого подразделения призвана замаскировать основную мысль социал-фашистов о необходимости уделять больше внимания общей милитаризации страны

(в первую очередь милитаризация учебных заведений и идеологическая подготовка войны — «воспитание», а затем милитаризация промышленности). «Политику» же, видимо, должны представлять в Совете обороны не только министры и не только Сэюкай и Минсэйто, но и Сякай Минсюто со всеми их «левыми» «пролетарскими» собратьями.

Не только общее руководство военной политикой хочет изъять автор из рук военщины (по крайней мере на словах), но непосредственное проведение и исполнение военных мероприятий должно быть, по его мнению, централизовано в кабинете министров. Г-н Мацусита нападает на установленное в 1900 г. право военного и морского министров непосредственного доклада императору и контрассигнования военных указов императора без предварительного их обсуждения с кем бы то ни было (в том числе и с премьерами). Он требует установления для военных актов государственной власти соблюдения нормального правопорядка. Правда, он делает это в достаточной степени робко. Так, например, в конце соответствующего параграфа он говорит: «Поскольку речь идет о военных делах нашего времени, то в них (в исключительных правах военного и морского министров) есть элемент, необходимость которого признается в полной мере. Но при наличии в известных пределах этого элемента, исключительные права, в том виде как они существуют, в полном объеме одобрить нельзя. Мы предлагаем ограничить их в максимально возможной степени» (стр. 40—41). Как видим, эта «реформа» носит довольно расплывчатый ограниченный характер даже в формулировке своего автора. Объяснение этому можно найти в той специфической особенности данного исторического периода, которая заключается в непрерывном усилении фашистских тенденций и в непрекращающейся внутренней перестройке государственного аппарата применительно к обстановке максимального обострения классовой борьбы. Эта особенность эпохи не позволяет буржуазии пренебрегать никакими способами (даже такими, которые иногда в известной степени ущемляют ее собственные интересы) обеспечения максимальной маневроспособности и гибкости в чисто военном отношении. При этом исключительные права военных членов кабинета как раз являются одним из средств, обеспечивающих возможность принятия молниеносных военных решений и секретной подготовки к ним с учетом перспектив будущей гражданской войны в Японии.

Большой интерес вызывает требование социал-фашистского политика упразднить целый ряд специальных военных учебных заведений, высших

и средних, за счет милитаризации соответствующих факультетов гражданских учебных заведений.

Наряду с этим проектируется обеспечение расширенного выпуска командиров высшей квалификации путем отмены военных академий и создания взамен их специальных «исследовательских факультетов» при нормальных офицерских школах. Этим достигается значительное увеличение контингента офицеров с высшим военным образованием. Г-н Мацусита, однако, преподносит это свое предложение под соусом заботы о том, чтобы высшее военное образование не являлось привилегией избранного круга лиц.

С большой эрудицией г-н Мацусита говорит о недостатках внутреннего построения японской армии с точки зрения ее технической вооруженности. «Современная война», говорит он, «в большей степени война механизмов, нежели война пуль» (стр. 59). Поэтому он требует увеличения артиллерии в японской армии и выдвигает свой «социал-демократический» проект реконструкции дивизий. По проекту г-на Мацусита в каждой дивизии должна быть по меньшей мере 1 артиллерийская бригада. «Бригада должна состоять из двух полков, в каждом должно быть по 2 отряда полевой артиллерии, полевой тяжелой артиллерии и горной артиллерии» (стр. 56).

Увлечшись своими планами, г-н Мацусита как бы забывает, что его главной функцией является возможно более тонкое оправдание будущей империалистической войны в глазах широких масс, и моментами он начинает говорить языком всамделишного военного министра. Он говорит: «Хотя, с одной стороны, вооружения будут таким образом значительно сокращены, но, с другой стороны, они должны быть расширены по сравнению с сегодняшним днем. Это должно идти как по линии исследовательской работы, так и по линии общих мероприятий, направленных на модернизацию вооружений. Увеличатся расходы потребные вследствие этого инженерному управлению, фортификационному отделу и научно-исследовательским лабораториям. Так именно должно проектироваться обновление военного снаряжения и материалов и приведение в надлежащий вид (осовременение) крепостей» (стр. 59). Двумя строками ниже он дает подлинное социал-фашистское credo в вопросах политики вооружений:¹ «Мы высказываемся за сокращение вооружений и снижение военных расходов, но это не должно означать ослабления вооружений (текстуально: слабых вооружений). Мы без-

¹ Даже сам автор скромно избегает почти на всем протяжении своей книги термина «разоружения».

условно требуем превосходных вооружений, не уступающих вооружениям врага» (стр. 59—60).

Переходя к флоту, г-н Мацусита также дает вначале целый ряд рецептов рационализации отдельных морских учреждений, которые мы опускаем, после чего дает генеральный план реорганизации японской эскадры. Суть этого плана сводится к тому, что в основу берется принцип малых судов и усиление подводного флота за счет отказа от сверхмощных морских гигантов. «Это означает», говорит автор, «отказ от тактики открытой борьбы с противником в океане при помощи эскадры из 38 судов и переход к тактике, согласованной с крепостями обороны в случае прихода вражеской эскадры» (стр. 71). При этом Мацусита хочет сделать вид, что предлагаемая им структура флота исключает всякую возможность ведения наступательных операций и поэтому проникнута духом абсолютного пацифизма. Но тут же он проговаривается, что принцип малых судов принадлежит к числу давнишних идей такого испытанного «пацифиста», как бывший начальник главного морского штаба Японии адмирал Судзуки (стр. 71). Г-н Мацусита уверяет, что проведение всех его реформ даст экономию по флоту в 130 000 000 иен, хотя подчеркивает, что незначительность нормы сокращения расходов на флот в сравнении с расходами на армию, «диктуется общей линией национальной обороны» (стр. 72). В то же время автор стремится застраховать себя и свою партию от упреков в «неразумном схематизме», а заодно стремится развязать себе руки на будущее время: «Наше требование (военных реформ) безусловно только сегодняшнее требование, а не требование завтрашнего дня. Мы не знаем, какие изменения произойдут в мире завтра. Может быть в соответствии с новой обстановкой придется изменить и политику в области национальной обороны. Может быть в конце концов окажется достаточным 1 военный корабль и 10-тысячный отряд войска. А может быть потребуются военные корабли в 300 000 тонн и 100-тысячные отряды. И в том и в другом случае нужно будет согласоваться с национальным общественным мнением и исходить из политики, безошибочно определяющей основные государственные задачи» (стр. 74).

Работа г-на Мацусита, взятая в целом, дает яркую картину той подготовки к новой империалистической войне, которую вслед за своими хозяевами ведет японская социал-демократия. Подготовка эта характеризуется не только идеологической работой с.-д., но она включает в себе прямую

готовность со стороны последней приступить к проведению чисто организационных, сугубо практических мероприятий, связанных с войной. Инициатива военной реформы, о которой громко заявляет Сякай Минсюто и все содержание этой реформы являются самым убедительным аргументом абсолютной связанности японской социал-демократии с интересами «своего империализма» и достаточно показательным проявлением ее фашистского облика. Но чрезвычайно интересно и важно отметить, что все те «реформы», которые г-н Мацусита в своем труде представляет как последнее слово национального японского «демократизма», не только являются продуктом основных идей японского империализма, популяризацией взглядов наиболее дальновидных представителей японской военщины, но они все носят на себе явный отпечаток тех общих принципов, которыми руководятся ведущие социал-фашистские партии II Интернационала в вопросах военной политики.

Тов. Л. Альфред в своей статье «Социал-фашистская подготовка войны»,¹ приводя ряд выдержек из выступлений французских социалистов и высказываний «Попюлер», правильно отмечает, что «рациональная организация» вооруженных сил империализма — в этих словах заключается весь смысл «социалистического понимания» организации военного дела социал-фашистскими агентами милитаризма. Действительно, разве не проникнута каждая мысль в работе Мацусита заботой об отыскании наиболее дешевых, наиболее рациональных способов продолжения и развития существующей системы вооружений? Начиная от требования милитаризации специальных учебных заведений и кончая настояниями на введении военного налога, во всей социал-фашистской концепции красной нитью проходит стремление увеличить боеспособность японского империализма, причем приходится констатировать, что эта тенденция исключительно слабо завуалирована соответствующими пацифистскими словесными привесками. Это находит свое объяснение в том, что функция маскировки и обмана левой фразой более или менее равномерно распределяется между родственными правой Сякай Минсюто (ныне объединившимися «левыми») и «левейшими» социал-фашистскими партиями (Тайсюто и Роното). Несмотря на все желание японских социал-фашистов занять независимое положение по отношению ко II Интернационалу (пример чего дает нам первая разобранный нами работа Миядзаки), дух войны и боязнь революции, определяющей собою

¹ См. журн. «Большевик» № 17 за 1930 г., стр. 79—88.

всю линию поведения международной социал-демократии господствует и над мыслями гг. Абэ и Судзуки, принимая вдобавок наиболее штампованные формы (идея милитаризации производства, идея вооруженной нации и т. д.).

Нет особой необходимости подвергать разбору остальные работы из серии «Политическая энциклопедия демократии». Все они, в особенности те, которые посвящены трактовке вопросов социальной политики, с большими или меньшими отклонениями от нормы представляют собою довольно туманное, расплывчатое провозглашение абстрактных «демократических» принципов с неизменным заострением против «коммунистической демагогии». Вождь Сякай Минсюто и редактор всей серии г-н Катаяма Тэцу в собственноручно написанной брошюре «Завоевание политических свобод» (Сэйдзи тэки дзию но какутоку. Токио, окт., 1928, 122 стр.) пытается представить свою партию в роли единственного разумного защитника интересов пролетариата, ведущего борьбу с этими законами. Действительную цену этой борьбы легко усмотреть из двух приведенных в тексте официальных документов партии Сякай Минсюто: декларации ЦИК партии в связи с изданием правительством ухудшенной редакции «Закона об охране общественного спокойствия» (Дзван идзи хо) и декларации по поводу арестов 15 III 1928 г. (так наз. «коммунистический инцидент»). Первый документ, датированный 15 июня 1928 г., представляет собою большой интерес, поскольку он ярко иллюстрирует, что Сякай Минсюто, выступая по тактическим соображениям против откровенно антикоммунистического закона сэйюкайской реакции, наряду с буржуазной оппозицией (со стороны Минсэйто) считал возможным выдвигать в связи с этим исключительно формально-юридическую аргументацию. Декларация ставит в вину правительству, что изданием новой редакции закона об охране общественного спокойствия «внесен чрезвычайный разноряд в систему уголовных наказаний и спутан весь порядок уголовного законодательства», так как уже существующее законодательство карает 10-ю годами каторги организацию обществ, ставящих своей целью гражданскую войну, а новый закон г-на Танака, не отменяя прежнего закона, устанавливает смертную казнь за аналогичное преступление.

Катаяма Тэцу, повидимому, избрал лучшее из всего арсенала своей партии, приводя декларацию от 15 VI 1928 г. как образец партийной активности в области «завоевания политических свобод». Результаты говорят сами за себя.

Второй документ надлежит рассматривать в плане не менее подлой спекуляции социал-фашистов на симпатиях пролетарских масс к подвергшимся преследованиям революционерам, сочетающейся с угодливым доносительством. «Мы», говорит декларация от 16 III 1928 г., «не вмешиваемся в то, что велит закон, но оценивая настоящий инцидент¹ уверены, что к реакционной политике нынешнего правительства надо относиться критически. Будем же надеяться, что в процессе расследования, производимого властями, не возникнут носящие характер дурных предзнаменований моменты подавления человеческих прав и не будет проявляться власть в больших пределах, чем это является необходимым» (стр. 95). Итак, если арестованы коммунисты, говорит по существу социал-фашистская декларация, то нам возражать особенно нечего, но так как правительство генерала Танака вообще реакционно и совершает глупости, отказывая в поощрении даже своим друзьям, то, пользуясь случаем, мы заявляем свой «протест».

Однообразие остальных работ социал-фашистской «демократической» серии лишают разбор их всякого интереса. Характерно, что нет буквально ни одной брошюры, которая в той или иной форме не полемизировала бы с коммунистическими взглядами, с демонстрацией тех или иных клеветнических «фактов». Любопытно, что изредка прорывающаяся в социал-фашистской печати «внутренняя» перебранка между различными пролетарскими партиями никогда не носит столь глубоко принципиального классово-враждебного характера, как все высказывания правого фланга японского реформизма о коммунистах или в связи с СССР.

Достаточно указать, что на IV Съезде Сякай Минсюто в декабре 1929 г. было внесено предложение обратиться к правительству с требованием заявить протест СССР в связи с «коммунистической деятельностью» в Японии. Десятый пленум ЦК Сякай Минсюто в декларации, посвященной советско-китайскому конфликту, констатирует, что СССР «обнаруживает свой госкапиталистический характер и своими действиями говорит о скате к империализму». Только в последнее время наблюдается известный тактический перелом. Кризисный шквал в такой степени повлиял на ускорение процесса полевения широчайших пролетарских масс Японии, что даже махровым предателям и социал-империалистам неудобно занимать явно антисоветские позиции. Параллельно с «признанием» социалистического строительства в СССР западно-европейским идеологом социал-фашизма

¹ Речь идет о массовых арестах, произведенных накануне.

г-ном Э. Вандервельде, сам проф. Абэ сочувственно относится к идее отправки в СССР широкой экскурсии для изучения советского опыта. Правда, в своем напутственном слове г-н Абэ еще продолжает всячески влиять и приглашает экскурсантов к «абсолютной объективности» при оценке того, что они могут увидеть в СССР, но он не рискует авансировать антисоветские взгляды. Нечего и говорить, что «симпатии к СССР» «левых» социал-фашистов рекламируются ими в совершенно гиперболических размерах.

Несмотря на то, что (как это явствует из подробно разобранных нами двух работ социал-фашистов, посвященных темам весьма актуальным именно для Японии), нетрудно установить истинную концепцию политических взглядов и формулировку конкретных задач с.-д., можно констатировать отсутствие сколько нибудь полной и четкой классовой идеологической платформы японского реформизма в целом. Если обратимся к анализу политических программ пролетарских партий, начав также с основного идеологического костяка социал-фашизма — Сякай Минсюто, то можно констатировать полное отсутствие в них всякой теоретической установки. Программы представляют собою перечень конкретных мероприятий, осуществление которых желательны, но не больше. Подобный «практицизм», разумеется, не является случайностью. Когда мы констатировали, что основной социальной базой японской социал-демократии являлись союзы трэд-юнионистского типа (Содомэй в частности), то уже указывали на то, что важнейшей, отличительной чертой этих союзов является экономизм, сознательный отказ от серьезных политических выступлений, дух цеховщины, затушевывающий наличие общих классовых интересов пролетариата, а следовательно пренебрегающий и революционной теорией. Свойственный оппортунизму теоретический эклектизм, свидетельствующий о теоретическом бессилии, нашел свое особое проявление в японском «левом» социал-фашизме, «совмещающем» марксизм и даже ленинизм с откровениями доморощенных теоретиков типа Иномата Цунао (в экономике) или Ямакава Кин, Сакаи Тосихико, Ояма Икуо — в политике. Открытый же социал-фашизм почти не сумел дать своей сколько нибудь законченной обще-теоретической концепции.

Политическая программа Сякай Минсюто, принятая в исправленном виде в декабре 1927 г., т. е. примерно через год после образования партии, после небольшого обще-политического раздела основной упор делает на так наз. внутреннюю экономическую политику. В области этой последней центральными пунктами выставляются: 1) установление рабочего законо-

дательства, 2) установление законодательства, охраняющего интересы служащих, 3) расширение социальных мероприятий¹ и 4) расширение мер борьбы с безработицей. Подпункты, входящие в первую рубрику выдвигают следующие требования: а) признание системы 8-часового рабочего дня, б) утверждение права ассоциаций и права стачек, в) установление закона о минимальной зарплате, г) исправление закона о страховании здоровья, фабричного закона, рудничного закона и закона о морях, д) установление закона об охране рабочих коммунальщиков, строителей, рыбаков, транспортников и всех остальных категорий, работающих вне зданий, е) осуществление международной рабочей конвенции. Все эти требования, за исключением лишь последнего,² фигурируют в программе «левых» реформистских партий. Нужно прямо сказать, что очень трудно представить себе более расплывчато сформулированную программу (даже в пределах данного пункта о рабочем законодательстве). В самом деле, какие изменения необходимо внести в фабричный закон, почему нельзя удовлетвориться существующими правилами охраны труда, об этом «программа» не говорит ни слова. Немудрено поэтому, что сформулированное в одних и тех же выражениях требование установления страхования безработных приводит к абсолютному разночтению при расшифровке этого требования у Сякай Минсюто и у «левых». Экономическая программа Сякай Минсюто представляет собою особый интерес, поскольку она дает возможность судить о глубине «социалистических убеждений» правого крыла японского социал-фашизма. Прежде всего она заключает в себе пункты, относящиеся к реформе финансовой и специально-налоговой системы. Программа требует в части государственных расходов: 1) «увеличения расходов на нужды класса трудящихся», 2) «отмены субсидий и премий, защищающих капиталистов», 3) «решительного сокращения военных расходов», 4) «использования капиталов депозитного отдела министерства финансов в интересах класса трудящихся»; в части государственных доходов — по разделу госналогов: 1) «установления поимущественного налога», 2) «установления налога на повышение цены на землю», 3) «установления налога с освобожденных от военной службы», 4) «введения повышенного прогрессивного обложения — в налоге как на $\frac{0}{100}$ с капитала и в налоге на наследство», 5) «установления специального налога на нетрудо-

¹ Сюда входят преимущественно мероприятия по социальному страхованию.

² Ибо в составлении конвенции принимал непосредственное участие сам лидер Сякай Минсюто г-н Судзуки Бундзи.

вой доход», 6) «отмены налога на потребление сахара», 7) «отмены таможенных пошлин на доски, лесные материалы и др. жизненно-необходимые строительные материалы»; по разделу местных налогов: 1) «отмены специального поземельного налога», 2) «отмены префектуральных промысловых налогов (на бани, парикмахерские)», 3) «отмены различных налогов (велосипедный налог, перевозочный налог, налог на коров и лошадей)», 4) «установления изъятий из жилищного налога», 5) «увеличения норм подоходно-поимущественного налога и дополнительного налога», 6) «установления нормирования жилплощади». Большинство этих радикально-звучащих налоговых мероприятий совпадает с экономической программой «конструктивных социалистов» (г-на Макдональда и К^о).

Специальный раздел в экономической части программы посвящен «социализации важнейших отраслей промышленности и финансов». Однако, столь многообещающее заглавие заключает в себе весьма немного реального. Пункт о «социализации» гласит: 1) «обобществление механизированного транспорта, электричества, газа и водопровода», 2) «обобществление центральных оптовых рынков», 3) «национализация центральных банков» и 4) «создание общественных народных банков». Таким образом, даже в той программе, которая отнюдь не рассчитана на то, чтобы когда нибудь выполняться, ибо Сякай Минсюто отнюдь не располагает серьезными шансами стать правительственной партией и, следовательно, в праве щеголять социалистической фразеологией и ссылаться на то, что, только получив большинство в парламенте, партия сумеет приступить к реализации своих обещаний, «социалистические моменты» свидетельствуют об открыто буржуазных установках японского реформизма. «Потребительские» моменты в экономической программе, отражающие частные интересы отдельных групп трудящихся, берущие под защиту отдельные мелкие требования даже не пролетарских, но мелкобуржуазных слоев населения, сознательно призваны служить распространению иллюзий в массах относительно объективной возможности подправить капиталистический порядок, примирить его противоречия и осуществлять органическое «перерастание в социализм». Эта же потребительская тактика была характерна и для западно-европейских «классических» с.-д. партий вплоть до момента прихода их к власти. Когда рабочая партия Макдональда получила свой первый кабинет в 1924 году — уже тогда сразу же стала намечаться тенденция к пересмотру прежней широкой потребительской программы. Переход в социал-фашистскую стадию

международной социал-демократии окончательно побудил «социалистов» интересоваться в первую голову вопросами капиталистического производства, защиты его от всевозможных потрясений, а следовательно это заставило бесповоротно почти отказаться от «крайностей» социальной политики.¹

Аграрная программа Сякай Минсюто состоит из двух неравных частей: 1) «реформа земельной системы» и 2) «установление крестьянской политики». «Реформа» земельной системы ограничивается двумя более чем скромными пунктами: а) «обобществление земли, находящейся под жилыми строениями в городах» и б) «требование запрещения продажи государственной и общественной земли». В обстановке преобладания до капиталистических земельных отношений в Японии социал-демократия не решилась даже в своей программе-максимум выставить более решительные требования. Даже «классические» конструктивные социалисты — эти принципиальные апологеты капиталистического государства в своей программе «рискуют» говорить вообще о «национализации с выкупом». У Сякай Минсюто смелости на это не хватило. В разделе «установление крестьянской политики» мы находим требования: а) «установления совершенного законодательства об аренде», б) «утверждения права на обработку земли (запрещение несправедливого отнятия земли, запрещение конфискации урожая)», в) «установления максимума арендной платы», г) «утверждения права стачки», д) «утверждения права ассоциаций», е) «урегулирования денежных отношений в интересах класса земледельцев», ж) «превращение земледельца в основную фигуру производственных союзов, крестьянских союзов и сельско-хозяйственных складов», з) «установления системы страхования с/х.», и) «государственного производства удобрений и с/х. орудий» к) «ускорения электрификации деревни». В этой программе весьма характерно, что центральной фигурой японской деревни Сякай Минсюто признает не полупролетария — арендатора, а «земледельца» (косакуся). Этот термин в японской экономической литературе означает крестьянина вообще и совершенно затушевывает классовую дифференциацию в японской деревне. Поскольку арендаторы представляют собою наиболее революционный элемент японской деревни и объединяются под лозунгами компартии — лозунгами конфискации помещичьего землевладения и полного уничтожения комбинированной феодально-капиталистической эксплуатации трудящихся масс японской деревни, буржуазная «рабочая»

¹ Подробно этот вопрос освещен в работе т. Лапшинского «Кризис капитализма и социал-фашизм» (очерки о 3-м периоде, изд. 1930).

партия, каковой является Сякай Минсюто, не может всерьез выдвинуть ни одно из революционных требований арендаторов. Характерно, что в программе еще более правой, чисто кулацкой партии Нихон Номинто¹ нет даже упоминания об аренде вообще, и в экономической части программы мы находим только следующие три специфически «крестьянских» требования: пункты 2) «утверждение права на обработку земли» (без соответствующих оговорок и объяснений это «право» выглядит вполне приемлимым даже для кулацкой программы), 8) «установление системы общественной фиксации цен на важнейшие с./х. (пищевые) продукты» и 9) «охрана производства сырьевых материалов». Иначе говоря, (ныне уже не существующая, но вошедшая в значительной части в состав Сякай Минсюто) партия вполне уживающихся рядом с помещиками хозяйчиков-«крестьян» требует, чтобы правительство возможно скорее признало закон, разработанный в свое время сэйюкайским кабинетом ген. Танака об особых льготах крепкому сельско-хозяйственному производителю сырьевых материалов.²

Переходим далее к рассмотрению «чистой политики», формулированной в первых разделах программы Сякай Минсюто. Сюда входят пункты о расширении всеобщего избирательного права, о пересмотре и отмене ряда законов и указов, подавляющих свободу слова, собраний и ассоциаций, о реформе парламентской системы, об установлении «демократической дипломатии», о реформе военной системы и о реформе общей административной структуры. Пункт о реформе военной системы нами уже разобран в развернутом виде. Нужно лишь отметить, что в программе он сформулирован куда более скромно и безобидно, чем в официальной пропагандистской серии в формулировках г-на Мацусита. «Реформа» в программе сведена к трем требованиям: а) сократить вооружения, б) «увеличить жалованье солдатам» и в) «выплачивать субсидии семьям лиц, находящихся на военной службе». Если коэффициент поправки действующей в отношении военной программы, как это выясняется из простого сопоставления программы и тезисов Мацусита, будет столь же значительным и в отношении всех остальных программных высказываний Сякай Минсюто, то очевидно очень мало остается от демагогических заявлений о необходимости отменить «закон об охране общественного спокойствия»

¹ Нихон Номинто в переводе означает Японская крестьянская партия. Эта партия в настоящий момент уже не существует.

² Закон этот предусматривал субсидию крепкому крестьянскому хозяйству на сумму 2 800 000 000 ен.

и от требования «покончить с капиталистической агрессивной политикой». Расширение всеобщего избирательного права, являющееся краеугольным камнем всей программы не только Сякай Минсюто, но и «левых» социал-фашистских партий, не выходит за рамки нормальных буржуазных «демократических» требований (20-летний возрастной ценз, предоставление избирательных прав женщинам, система пропорционального представительства и устранение некоторых особо вопиющих случаев легализации имущественного ценза).¹ «Борьба» с реакционными законами, как это мы проиллюстрировали на работе г-на Катаяма, также носит специфический предательский характер. «Реформа» парламента ограничивается требованием лишения верхней палаты права внесения бюджетных поправок и требованием удлинения парламентской сессии, что также ни в какой мере не нарушает устав даже максимально консервативных капиталистических государств. «Демократическую дипломатию» в представлении Сякай Минсюто символизирует г-н Миядзаки, ведущий дружеские переговоры с цзянкайшистской гоминдановской «демократией». Не лишено интереса, что среди подпунктов, входящих как составной элемент в раздел о «демократической дипломатии» Сякай Минсюто включило столь актуальный для японского империализма вопрос (особенно в свете японо-американских отношений) как требование «установить свободу мировой эмиграции».

О военной реформе мы уже говорили достаточно. Остается лишь реформа администрации. В этом пункте Сякай Минсюто также не проявила себя достаточно щедрой: в программе речь идет лишь о двух моментах — о необходимости уничтожить «централизованную полицейскую политику» и о развитии системы местного самоуправления. Если первое, что сознают превосходно сами авторы программы, представляет собою явную утопию и не выходит за пределы «левой» фразы, то второе требование принадлежит к очень частым настояниям наиболее реакционной буржуазно-помещичьей партии Сэйюкай. Местное самоуправление в нынешних его формах является органом наиболее тесно связанным с землевладением, представляющим кулацко-помещичью клику, так что сэйюайский лозунг децентрализации,² воспринятый социал-демократией, означает требование повышения удельного веса в государственном аппарате наиболее реакционного слоя эксплуататоров.

¹ Как например система внесения 2000 ен залога за каждую кандидатуру и т. п.

² За последнее время постепенно снимающейся.

У нас нет возможности привести все или хотя бы даже только важнейшие документы ведущей партии японского социал-фашизма. Для характеристики Сякай Минсюто как партии, отражающей определенную политическую линию наряду с теми документами, которые мы привели, необходимо взять еще некоторые штрихи ее практической деятельности: в отношении к стачкам, в «борьбе» с безработицей, в парламентских выступлениях. Причем здесь придется учитывать, что Сякай Минсюто прежде всего до самого последнего времени играла несколько особую роль в японском рабочем движении — роль сознательного противника лево-радикальных приемов в борьбе за овладение массами. Сохраняя в той или иной степени незначительные кадры рабочей верхушки через Содомэй и Нихон Кайин Кумиай, влияя на периферию с помощью этой верхушки, партия в основном состоит сама и опирается на мелкобуржуазную интеллигенцию (сравнительно наиболее обеспеченные ее круги). Этот интеллигентский состав партии и растущее недоверие к ней со стороны широких пролетарских масс и вызывает непрерывные отколы от нее «левых» элементов, стремящихся во что бы то ни стало сохранить доверие и непосредственный контакт с массами. Поскольку социальная функция социал-демократии заключается в завоевании широких слоев рабочего класса в интересах предотвращения вступления его на путь прямой борьбы с эксплуататорами, немедленно вслед за ликвидацией Родо Номинто в 1928 г. — партии, завоевавшей значительный авторитет, несмотря на свой реформистский характер, благодаря присутствию в ней некоторого слоя работников компартии¹, социал-фашизм стал готовить новый идеологический и организационный «заслон», предохраняющий от действительного развязывания революционных тенденций. Начиная с 1929 г. можно наблюдать непрерывный процесс возникновения и столь же быстрого банкротства так называемых центристских пролетарских партий в Японии. «Центробежный» процесс разложения явно оппортунистических партий приводил к появлению все более и более «левых» объединений, способных в большей степени жонглировать «левой», подчас даже quasi-коммунистической фразеологией. Но наряду с этим в японских пролетарских массах крепнет идейное и организующее влияние японской коммунистической партии. Центристы и «левые», также как и правые — откровенные социал-фашисты сталкиваются с общим противником в своей борьбе за массы. Отсюда намечается

¹ Это участие коммунистов в общем реформистском руководстве Родо Номинто оказало отрицательное влияние на развитие революционного рабочего движения в Японии.

другая тенденция в социал-фашистском лагере: в противоположность первой центробежной силе действует и центростремительная. Растет стремление осуществить не только идейную, но и организационную консолидацию всех социал-фашистских элементов. Не прекращаются поэтому, а за последнее время особенно успешно развиваются переговоры о слиянии всех существующих реформистских партий в единую партию, «синтезирующую» весь опыт рабочего движения. Газеты за июль 1931 г. сообщили, что достигнуто соглашение об организационном слиянии Роното и Тойсюто, а 5 августа оно было оформлено. Общее название новой партии — Дзэн коку Рово Тайсюто (Обще-национальная рабоче-крестьянская массовая партия), причем лидером партии вопреки решительной оппозиции «левых» — Роното (так напр. демонстративное отсутствие на организационном съезде Ояма Икуо) был избран вождь «центристов» Асоо Хисаси, хотя первоначально наиболее вероятным кандидатом на пост лидера партии считался ренегат коммунизма Сакаи Тосихико. Нечто подобное можно наблюдать и на примере «классических» соц.-демократических партий Запада, где кризисная обстановка приводит к все большему затушевыванию «различий» между правым и «левым» крылом. Усиление дифференциации среди рабочего класса способствует этот процесс консолидации социал-фашизма.

Поэтому практическая деятельность Сякай Минсюто, будучи принципиально не только антиреволюционной, но даже антирадикальной, на последнем этапе времени перестраивается в сторону большего сближения с тактикой «лево»-центристов. Ярким примером этого может служить кампания по борьбе с безработицей. Последние данные показывают, что размах мирового экономического кризиса в Японии привел к увеличению числа безработных до 2 000 000 чел. При общем пониженном жизненном уровне среднего японского рабочего в сравнении с рабочим английским или даже германским, эта цифра показывает величайшее обнищание широких масс трудящихся. Минсэйтовское правительство Хамагути еще в начале 1930 г. выдвинуло свой проект сокращения безработицы, построенный, главным образом, на увеличении числа т. н. общественных работ, но как и следовало ожидать, это мероприятие дало совершенно ничтожный эффект. Бессилие правительства справиться со структурной безработицей достаточно красноречиво говорит о его полной беспомощности при столкновении с кризисной безработицей. Пролетарские партии в свою очередь выдвинули ряд проектов борьбы с безработицей. 5 марта 1930 г. был организован «комитет совместного действия» всех

пролетарских партий по борьбе с безработицей. В состав комитета вошли Акамацу К. (Сякай Минсюто), Кавано (Тайсюто) и Хососэко (Роното). Знаменателен самый факт совместной работы махрово реакционного лидера Сякай Минсюто Акамацу и «левейшего среди левых» Хососэко, несколькими месяцами позже демонстративно покинувшего партию Роното из-за ее правизны. Кроме проведения «недели борьбы» с безработицей (с 8 по 14 мая), выразившейся 1) в организации совещания по вопросам безработицы, в котором приняли участие представители мин. внутр. дел и обеих палат Парламента,¹ 2) митинга с участием «пролетарских депутатов» и 3) распространения литературы в течение трех дней—11, 12 и 13 мая— «Комитет совместного действия» ничем себя не проявил. Предположенные первоначально массовые демонстрации безработных были запрещены Главным полицейским управлением, нарушить требование которого «Комитет действия» разумеется не пожелал. Во время 58-й сессии Парламента была сделана еще одна солидарная попытка выступления «пролетарских» партий, на этот раз с законопроектом о пособиях безработным. Законопроект этот приведем полностью:

Ст. 1. В настоящем законе безработными именуются лица, удовлетворяющие следующим условиям: а) обладающие возрастом от 16 до 63 лет включительно, б) обладающие определенной профессией, в) прошедшие регистрацию безработных.

Ст. 2. Безработный получает пособие по безработице в размере 1 ены в день.

Ст. 3. Средства на выплату пособий по безработице идут за счет государственной казны и нанимателей.

Ст. 4. Наниматель обязан вносить в государственную казну для выплаты пособий по безработице 1 ену в месяц за каждого работника. Остальное выплачивается из государственных средств.

Ст. 5. Все организационные расходы, связанные с выплатой пособий по безработице, идут за счет государственной казны.

Ст. 6. Лицо, являющееся безработным и отказавшееся выполнять определенную работу, предложенную департаментом по делам безработных, теряет право на получение пособия по безработице. Однако таковой работой не признается следующая: а) работа предложенная в целях срыва забастовки, б) работа на чрезвычайно плохих условиях в сравнении с условиями

¹ Вопреки требованиям «левых» о ликвидации верхней палаты.

и уровнем зарплаты, обычно существующими при найме, в) работа не соответствующая физической силе нанимаемого.

Ст. 7. При министерстве внутренних дел учреждается департамент по делам безработных, и ему поручаются все дела, касающиеся подыскания работы, регистрации безработных и выплаты пособий по безработице. Департамент учреждает свои отделы во всех населенных пунктах страны.

Любопытно отметить, что в первоначальном черновом наброске законопроекта, составленном Сякай Минсюто, были следующие изменения: 1) сумма ежедневного пособия по безработице устанавливается не в 1 ену, а в 50 сэн; 2) в числе условий получения пособия значились следующие пункты: а) наличие годовичного трудового стажа (буквально: «занятость рациональным трудом в течение 1 года»), б) наличие полной безработицы («дзэнсицу»), в) трудоспособность и г) невозможность получить соответствующую работу, несмотря на поиски. Таким образом коллективный законопроект явился плодом «уступок» со стороны Сякай Минсюто «левым» партиям, требовавшим более революционных формулировок и более широких и лживых обещаний массам безработных (пункт о штрейкбрехерстве и милостивое удвоение суммы ежедневного пособия в сравнении с наметкой правых). Делая попытку создать иллюзию возможности организовать помощь безработным силами капиталистического государства, проект Сякай Минсюто не требует даже выделения для этой цели особого аппарата внутри министерства внутренних дел (ст. 4 чернового проекта), но и коллективный проект, выдвигающий идею создания специального департамента, по сути дела содержит в себе политическую реабилитацию того ведомства, которое выполняет функцию непосредственного подавления пролетариата. Ярko фашистский характер этого предложения особо подчеркивается отсутствием всякого упоминания о необходимости контроля над выдачей пособий по безработице со стороны самих безработных или хотя бы профессиональной организации. Государство, как высшее целое, хотя бы оно выступало в облике шефа полиции, гарантирующее или во всяком случае способное гарантировать интересы пролетарских масс — такова отчетливая установка правых и «левых» социал-фашистов, завуалировать которую они сами не находят для себя возможным.

В циркуляре ЦИК Сякай Минсюто по вопросу о безработице от 4 IV 1930 г. можно найти следующий расчет (в разделе «срочные мероприятия»): если выплачивать 300 000 чел. безработным по 50 сэн на человека в день, то это составит 55 000 000 ен в год. Из этой суммы по крайней

мере 20 000 000 ен должно идти за счет предпринимателей, остальное же может быть покрыто из германских репарационных платежей, а также путем выпуска специального займа. В вопросе о займе точно так же, как и во втором пункте — организация общественных работ. Сякай Минсюто вполне, таким образом, солидаризируется с «планом» б. премьер-министра г-на Хамагути, который также выдвигал идею выпуска «займа безработицы». Вообще же социал-демократические политики проявляют мудрую заботливость о сохранении равновесия государственного бюджета. В качестве последующих финансовых мероприятий, идущих вслед за срочными (тот же циркуляр) предлагает использование на нужды борьбы с безработицей экономии от сокращения вооружений, введение повышенного налогового обложения капиталистов (в частности, предлагается повысить налог на наследство) и сокращение на 50% годовой суммы по погашению государственных займов. Специальный комитет, организованный Сякай Минсюто по выработке мер борьбы с безработицей, конкретизировал эти установки ЦИК.

Экономия от разоружения составит, по данным этого комитета, 90 000 000 ен (путем сокращения на 50% обыкновенных расходов военного министерства), германские репарации составляют 6 360 000 ен в год и половинное сокращение годовой суммы погашения государственных займов — 40 000 000 ен.

Комитетом делается и попытка конкретизации тезиса об организации специальных общественных работ (1) сооружение метрополитэна в 6 крупных городах, 2) развитие промышленных путей, 3) сооружение подводного туннеля Симоносэки-Модзи и др.).

Тактика борьбы за осуществление этих мероприятий, предлагаемая ЦИК'ом Сякай Минсюто, сводится к организации петиционного движения (посещение членов правительства специальными депутациями и т. д.), выработке положительных мероприятий, могущих быть реализованными через префектуральные собрания на местах и, в последнюю очередь, организации массовых собраний безработных.

Установление единого фронта правых и «левых» социал-фашистов в столь важном для Японии вопросе, как безработица, символизирует общее совпадение политического курса абсолютно всех «пролетарских» партий. Лишь в очень слабой степени формулировки, принятые правыми в отношении безработицы, изменяются в документах «левых». Например, в резолюции расширенного пленума ЦИК Роното читаем: местные советы по

борьбе с безработицей выдвигают следующие лозунги: а) против расчетов, снижения зарплаты и невыплаты зарплаты, б) за коренное изменение фабричного закона, в) рабочий контроль над посредническими бюро, г) за немедленное осуществление системы пособий безработным за счет капиталистов. Одновременно с выдвиганием этих лозунгов нужно разъяснять массам о том, какими способами должны быть собраны средства: а) отменой системы пенсий, б) сокращением на 50% военных расходов, в) отменой всех секретных расходов и г) увеличением налога на % с капитала. Нет ни слова о необходимости включить безработных в политическую борьбу за общеклассовые интересы пролетариата, отсутствует всякая конкретность в указании действительных мер борьбы за удовлетворение насущнейших требований обеспечения хлебом самих безработных. Содержащееся в самом конце этого документа указание, что «самой главной формой выступления местных комитетов по борьбе с безработицей являются стачки и демонстрации», по сути дела лишь регистрирует стихийный ход событий. В 1929 г. 35% стачек в Японии было прямо связано с явлениями безработицы и увольнениями на предприятиях. В 1930 г. % таких стачек увеличился до 50.

Таким образом процесс полевения пролетарских масс в Японии привел с одной стороны к некоторой маскировке махровых социал-фашистов типа Сякай Минсюто и вызвал ряд мелких «уступок» политического порядка, вроде, например, словесного осуждения штрейкбрехерской практики, но в основном он ускорил внутреннюю дифференциацию и позволил отчетливо обнаружить отсутствие принципиального различия между правыми и «левыми» социал-фашистами.

Колоссальный размах стачечного движения в Японии, связанный с развитием экономического кризиса, в сильнейшей степени способствовал разоблачению предательской роли правых, а в особенности «левых» реформистов.

Если в начале стачечного подъема социал-фашистские профбюрократы почти монопольно выступали в роли руководителей отдельных стачек, то впоследствии — практика их руководства обнаружила настолько вопиющие примеры закулисных предательских актов, что кредит у масс и профсоюзных лидеров, и «пролетарских» партий пал чрезвычайно низко.

Крупнейшие стачки, исторические по своему значению для японского рабочего движения, оставили после себя целую грудку документов, вскры-

вающих истинные цели и методы социал-фашистского профсоюзного и партийного руководства. Причем характерной особенностью этих стачек является не только обнаружение в результате событий полного разрыва между массами и лидерами, действующими за спиной у рабочих, но и выявление картины абсолютного разложения внутри социал-фашистского фронта. «Тактические разногласия» или, правильнее сказать, «разногласия» по тактическим соображениям между правыми и «левыми» осложняются личной склокой руководителей отдельных соперничающих реформистских союзов, приобретающей особо отвратительный характер, поскольку объектом их внутренней конкуренции является возможно более полное предательство бастующих рабочих. Примером этого могут служить события, происшедшие во время стачки на крупнейших в Японии текстильных предприятиях Канэгафуги в апреле 1930 г. На ф-ке Канэгафуги в Хёго руководство стачечниками принадлежало центристским союзам (Сорэнго и Кумиай Домэй). Представители этих союзов г.г. Каваками и Сакамото заключили секретное соглашение с компанией о ликвидации забастовки 30 апреля 1930 г. — до 1-го мая из опасения усиления товарищеской поддержки бастующим со стороны рабочих других предприятий. Меморандум, выработанный на основе этого секретного соглашения, содержал в себе следующее: 1) 30% пособия, получаемого рабочими в настоящее время, впредь до наступления более благоприятного момента зачисляются в зарплату, 2) уменьшение суммы пособия в ближайшее время компенсируется увеличением числа рабочих дней и установлением хорошего обращения с рабочими в пределах, определяемых директором фабрики, 3) зарплата за время забастовки не выплачивается, а рассматривается как пособие, 4) восстановление уволенных в данный момент не производится, но может быть предметом обсуждения при благоприятных условиях в будущем, 5) фонд повышения благосостояния используется при участии представителей рабочих. Явная гнусность этого предательства, ухудшающего положение рабочих в сравнении с теми условиями, которые привели к стачке, дала повод не только «левым», но и правым социал-фашистам принять благородную позу и выступить с обвинениями против Каваками и Сакамото. Объединенный «Комитет содействия бастующим рабочим Канэгафуги», состоявший из представителей местных отделений (г. Кобэ) всех «пролетарских партий» (в том числе Роното, Нихон Тайсюто и Сякай Минсюто) в своей декларации от 3-го мая отметил «недопустимую обстановку заключения соглашения», указав на то, что «усло-

вия соглашения не были объявлены даже забастовщикам. Как раз накануне 1-го мая, несмотря на боевую твердость бастующих, при помощи ловких фраз конфликт был прекращен». Для того, чтобы ущемить центристов, в частности Сорэнго,¹ перешеголявших в своей подлости всех остальных социал-фашистов, лидер наиболее правых профессиональных объединений — Содомэй взялся возобновить стачку, сорванную Сакамото и Каваками. При этом следует заметить любопытную деталь: Содомэй, в целях изгнания конкурирующего объединения Сорэнго выдвинул в качестве штаба руководства новой забастовкой свое отделение союза металлистов в Кубэ, чем убивалось сразу «два зайца»: во-первых, приобреталась популярность в глазах у текстильщиков Конэгафути без риска навлечь на себя гнев непосредственных хозяев отделения союза (предпринимателей металлической промышленности района Кубэ), во-вторых, убивался опасный конкурент в этом районе — центристское профессиональное объединение и одновременно создавалась иллюзия неподкупности правых. Ажиотаж, сопровождавший это дикое соперничество, привел к совершенно безобразным сценам: массовым побоищам между проактивистами Содомэй и Сорэнго.² Успокоение было внесено столь компетентным в вопросах рабочего профессионального движения учреждением как осакая полиция.

Однако, несмотря на то, что «договор» подписанный г.г. Сакомото и Каваками вполне соответствовал максимуму притязаний администрации и даже не отражал минимума требования рабочих, администрация не проявляла никакого намерения выполнять жалкие «пункты, составленные в интересах рабочих». В результате нового стихийного взрыва недовольства среди рабочих вплотную стал вопрос о новой стачке. На некоторых отделениях фабрики вспыхнула итальянская забастовка. Раздражение рабочих и работниц было настолько велико, что местные профессиональные «вожди» из Сорэнго не рискнули открыто выступать в роли посредников и продолжали лишь закулисные совещания с представителями компании. В результате этих совещаний был выработан новый текст соглашения, ничем принципиально не отличающийся от договора, подписанного Сакомото и Каваками.

¹ Полное название Нихон Родо Кумияй Сорэнго (Японский всеобщий союз профсоюзов).

² Так например, 5-го мая 1930 г. забастовочный комитет их одной из фабрик Канэгафути в Эдогава, руководимый содомэевцами, напал на контору Сорэнго в Осака. В ответ на это члены объединения Сорэнго в тот же день вечером ворвались в городской отдел Содомэй.

Поскольку этот текст дает вполне конкретный пример посреднической деятельности социал-фашистов, мы приведем его полностью.

«Условия соглашения. 1) Одновременно с настоящим понижением зарплаты проводится удешевление стола, квартиры, газа, лекарств, бани, парикмахерской и циновок. (Это само по себе дает красочную характеристику системы «снабжения» рабочих, практикуемой на японских текстильных предприятиях предпринимателями в целях обратного выжимания из них даже их жалкой зарплаты). 2) В качестве зарплаты за все время забастовки выплачивается мужчинам по 6 ен, женщинам по $5\frac{1}{2}$ ен дважды — 4 мая и 29 мая. Всего таким образом выплачивается сумма, исходящая из расчета 11 дней оплаты. 3) В комитете по распределению фонда на повышение благосостояния участвуют рабочие. 4) Пособие уволенным выплачиваются (единовременно 2 июня или ежемесячными выдачами) в размере месячной зарплаты плюс стоимость проезда на родину. 5) 30% пособия зачитывается в текущую зарплату, причем расчет производится во вторую половину месяца. 6) Вопрос о восстановлении уволенных передается на усмотрение комитета. 7) Впредь до выяснения вопроса о восстановлении уволенных, представитель компании г-н Фудзии 2 июня передает ссуду в размере 1000 ен (кроме забастовочных расходов). 8) Забастовочный комитет немедленно распускается. 9) Представитель компании г-н Мори выплачивает 160 ен — стоимость обратного проезда на родину тридцати женщинам, нанятым на время забастовки и проживающим в помещениях кампании. 10) Все уволенные признаются покидающими службу в компании по взаимному соглашению. 11) Агитационные прокламации не распространяются на фабриках. 12) Уволенные не будут выступать против компании ни с какими враждебными актами. 13) Профсоюз ни под каким предлогом не возбуждает уволенных против компании. 14) Безусловно не будет учреждено по близости от предприятий компании отделение профсоюза или какая либо аналогичная организация. Не будет производиться также вербовка служащих в члены профсоюза. 15) Забастовочные расходы оплачиваются г-ном Фудзии в сумме 5 000 ен (прежде 7 000 ен, всего 12 000 ен)».

Так закончилась забастовка на предприятиях Канэгафути в Хёго, «Героем» этой забастовки является отделение всеяпонского союза текстильщиков, входящее в Нихон Родо Кумиай Сорэнго. Пункты 13 и 14 «Соглашения» указывают, в каком рептильном состоянии пребывают центристы у

своих хозяев: официально предприниматели отказывают им в признании, их третируют до последней степени и с демонстративной брезгливостью время от времени пользуются их услугами. И пример такого несправедливого обращения со своими верными псами — социал-фашистами показывают столь передовые и просвещенные капиталисты, как владелец предприятия Канэгафуги г-н Муто Сандзи, которого иные бульварные журналисты называют «японским Фордом».

Наиболее длительной оказалась забастовка на киотоских фабриках Канэгафуги (и в Эдогава), где в роли руководителей выступали правые — Содомэй. Так, например, во главе стачечного комитета на ф-ке Эдогава находился депутат от Сякай Минсюто в Парламенте г-н Нисио, который прилагал чрезвычайные усилия к тому, чтобы убедить рабочих в необходимости принять требования компании. В течение нескольких дней большинство стачкома отклоняло все предложения Нисио и только 4 июня соглашение было подписано. Текст данного соглашения свидетельствует о том, что Содомэй пользуется большим кредитом у капиталистов (у того же Муто Сандзи), нежели Сорэнго. Помимо того, что соглашение выдержано в подчеркнута «джентльменских тонах», реномэ Содомэй и члена Парламента г-на Нисио в глазах рабочих до некоторой степени спасается капиталистом в том отношении, что создается иллюзия некоторого «завоевания» рабочих в результате стачки. Так, например, пункт 4-й соглашения гласит следующее: «92 человека из уволенных (около 50% всех уволенных) восстанавливаются на работе. Уволенным выплачивается сумма, определяемая кампанией, 14-дневный заработок в качестве пособия взамен предварительного предупреждения и стоимость проезда на родину. При этом сумма, определяемая кампанией, не может быть меньше 50 ен». Г-н Муто Сандзи не только капиталист, но и заметный политик. После неудачной попытки основать свою собственную «промышленную партию» с ориентацией на осакских капиталистов, он вступил в партию Сэйюкай, где вместе с г-ном Кухара Фусаноскэ занимал видное положение в ряду ведущего «индустриального» крыла партии. Естественно, что г-н Муто Сандзи не может применять оскорбительный тон по отношению к своему парламентскому коллеге — члену Сякай Минсюто Нисио, а также по отношению к столь авторитетной организации, как Нихон Родо Содомэй. Если основные кадры рабочих будут объединяться столь «надежной» и прочно установившейся организацией, как Содомэй, ничего лучшего и желать не стоит господам предприни-

мателям. Поэтому дух «взаимопонимания» между капиталистом и рабочими пытается установить документ о ликвидации стачки, подписанный представителями г-на Муто и Содомэй. Вступление в «соглашение» содержит в себе следующие, поистине замечательные строки: «Компания выражает сожаление по поводу полного отсутствия понимания искренних намерений компании, проявленного служащими во время опубликования информации о снижении суммы пособий. Служащие, признавая, что компания искренно стремится наилучшим путем всесторонне облегчить тяжелое положение, вызванное понижением суммы пособий, с 5 июня 1930 г. распускают стачечный комитет». Так социал-фашисты выдают похвальный лист «искренне заботящемуся о нуждах рабочих» и непонятому капиталисту, который в свою очередь снисходительно соглашается не понижать зарплаты в будущем (пункт 3) и восстановить часть уволенных им рабочих (пункт 4). В целях упрочения своей победы над рабочими — забастовщиками социал-фашисты, немедленно после заключения соглашения, опубликовали письмо своего недавнего гостя и друга г-на Альбера Тома, в котором тот «сомневается, чтобы на предприятиях Канэгафути сразу легко можно было одержать победу». Во время своего визита в Японию в 1928 г. г-н Тома остался удовлетворен условиями жизни рабочих на ф-ках Канэгафути, которые он инспектировал по поручению Международного Бюро Труда в Женеве. Этим приглашением в свидетели г. Тома социал-фашисты пытались отвести от себя возможные упреки в случае обнаружения нарушения условий соглашения предпринимателем. Как и следовало ожидать, несмотря на сугубо умилительный тон «соглашения», уже с 16 июня администрация фабрики в Киото предложила 13-ти рабочим «добровольно» оставить службу. Восемь человек согласились уйти добровольно, а 5 было уволено. Рабочим, входившим в сгачком, были запрещены в общежитиях всякие сношения с внешним миром. 19 июня было объявлено следующее распоряжение администрации: «В силу того положения, в котором находится фабрика, выплата проездных сумм возвращающимся на родину в настоящее время не производится. Лица, поездка которых на родину, таким образом, неизбежно откладывается, приравниваются к работающим на фабрике: выход из здания и свободное передвижение с 6 ч. утра до 5 ч. вечера воспрещается». Разумеется, Содомэй почти совершенно не реагировал на подобные факты. Поскольку главная угроза — забастовка уже миновала, вся «защитная деятельность» профсоюза ограничилась созывом совещания для обмена мнений. Когда

волна возмущения широких слоев рабочих уже ослабла — 5 июля Содомэй совместно с Сорэнго организовал митинг протеста в Осака, в котором к его удовольствию приняло участие совершенно ничтожное количество пролетариев.

Тактика пресмыкательства перед предпринимателями и администрацией, система сознательного принижения и подавления боевого духа рабочих при помощи превращения их требований в просьбы и слезные петиции весьма характерны для профсоюзных социал-фашистских лидеров, находящихся на передовых позициях защиты устоев капиталистической эксплуатации и потому особенно «болезненно» реагирующих на все проявления полевения широких масс. Во время апрельской стачки 1930 г. на городском трамвае Токио, когда рабочие выдвинули ряд требований об отмене 10-ти процентного сокращения премий, отмене увольнений по сокращению штатов и др., профсоюзное руководство обратилось к начальнику электрического департамента муниципалитета со следующей петицией: «Высоко уважая личность мэра, мы в будущем всецело полагаемся на него и крайне сожалеем, что в течение нескольких дней мы не смогли выразить наших искренних чувств. Если откровенно выразить наши подлинные желания г-ну начальнику электрического департамента, то мы стремимся к прекращению увольнений и возобновлению работ стачечниками». . . «мы просим о возможно скорейшем устранении того, что вызывает беспокойство работников муниципалитета» (петиция от 28 апреля 1930 г.). В таком стиле г-да социал-фашисты «отстаивают» интересы рабочих, стремясь прежде всего угодить своему начальству и предстать в его глазах поборниками законности и порядка. Декларация тех же авторов, врученная 30 апреля 1930 г. объединению депутатов муниципального собрания г. Токио, уточняет это положение. Конец ее гласит: «После заключения соглашения о ликвидации конфликта между работниками и администрацией снова возникают недоразумения. Беспокоясь о том, что эти недоразумения отрицательным образом могут отразиться на удобствах жителей города, мы просим воздействовать на директора, дабы могло быть достигнуто окончательное соглашение». Подобный язык разговоров с муниципальной администрацией разумеется отнюдь не располагал последнюю к уступчивости. Листовки «пролетарских» партий, посвященные забастовке трамвайщиков, по своей мелодраматической фразеологии не уступают знаменитому письму петербургских рабочих к Николаю II, состряпанному Гапоном в 1905 г. Так, напри-

мер, в одной из них находим: «Сейчас, когда окончился настоящий конфликт, мы, глотая слезы, просим потерпеть наших братьев» и т. п.

Что тактика подачи петиций признавалась реформистами, как единственно-возможная тактика — это показывает вся деятельность исполкома Союза работников токиоского муниципалитета (Токио си дзюгьо ин кумиай) и союза трамвайщиков (Сидэи кьодокай). После того, как 2-го мая заведующие местными агентствами электрического департамента при трамвайных парках сообщили, что все основные требования рабочих для администрации совершенно неприемлемы, расширенный пленум исполкома трамвайщиков под председательством г. Кумамото, собравшийся 3 мая 1930 г., в присутствии двух высших полицейских чиновников (начальников рабочего отдела и специального отдела Главного полицейского управления) принял следующую резолюцию: 1) подавать петиции непрерывно впредь до удовлетворения требований обратного приема на работу уволенных и до признания времени забастовки рабочим временем, 2) признать, как и раньше, исполком — штабом действия, 3) членам профсоюзов воздерживаться от враждебных актов против департамента и не совершать никаких индивидуальных выступлений, основываясь только на решениях исполкома, 4) выпускать ежедневный бюллетень о ходе конфликта и укреплять взаимную связь между членами союза».

Когда исполком под давлением масс оказался все же вынужденным назначить общегородскую демонстрацию 26 V «всех свободных членов профсоюза с целью добиться ответа на петиции», то уже в самом ходе этой демонстрации обнаружился серьезнейший разрыв между массами и руководством. Аресты, произведенные полицией среди рабочих-демонстрантов при попытках с их стороны пробиться в здание электрического департамента, окончательно возбудили недоверие к профсоюзным лидерам, вступившим в переговоры с заместителем начальника департамента. Рабочее собрание в клубе трамвайщиков в Синдзюку вынесло резолюцию с требованием разоблачения прислуживающихся лидеров. В трампарке Янагисима, где руководство отделением профсоюза принадлежало отъявленным предателям, находившимся на особой оплате у администрации, рабочие потребовали их отставки и исключения из союза. Обеспокоенные столь явным провалом своей тактики у рабочих все «пролетарские» партии (Нихон Тайскюто, Токио Мусанто, Ровото и Сякай Минскюто), совместно с видными профбюрократами посетили начальника Главного полицейского управления

Маруяма и заявили ему торжественный протест против полицейских репрессий в отношении демонстрации 26 мая. Серьезность положения, которую сигнализировал провал социал-фашистов, побудила муниципалитет согласиться на обратный прием 27 человек, уволенных при условии снижения их зарплаты (на 10%). Исполком Союза постановил в связи с этим «приказ о восстановлении на работу» принять, но до полного отказа от увольнений на работу не возвращаться. Борются против условий восстановления». Был выработан порядок новой «недели борьбы». Однако, это все уже не могло восстановить доверия рабочих к Исполкому. Местное отделение профсоюза при трампарке Синтани выпустило обращение, озаглавленное «Протест против лидеров». В этом документе рабочие решительно протестуют против тактики Исполкома, указывая на особую недопустимость такого факта, как опубликование Исполкомом в буржуазной печати плана проведения «недели борьбы», прежде чем этот план был доведен до сведения трамвайщиков. Критикуя последнюю резолюцию Исполкома, рабочие указывают, что само «признание факта увольнений — предательство требования полного восстановления на работе всех уволенных». Обращение заявляет, что «для проведения недели борьбы мы вновь организовали комитет и дали клятву бороться. Наше отделение укрепило свой боевой дух... «Если лидеры не в состоянии руководить возросшей революционной активностью масс, то должен быть создан новый стачечный комитет и под его руководством нужно бороться не на жизнь, а на смерть».

Можно привести бесконечно длинный список больших, средних и малых забастовок и иного рода «рабочих конфликтов», преданных правыми, центристами и «левыми» социал-фашистами. Во всех случаях картина будет примерно одинакова: предательство интересов рабочих при помощи твердо установившихся тактических приемов. Либо применяется метод закулисного соглашения с предпринимателями от имени объединяющего данных рабочих союза с целью поставить затем стачечников перед фактом соглашения (чем достигается раскол среди бастующих и срыв стачки), либо все внимание стачечников направляется на петиционную кампанию, составление слезных и униженных обращений к хозяевам, муниципалитетам, депутатам и даже к полиции. Наконец, третьим, обязательным тактическим приемом социал-фашистов является внушение рабочим представления о том, что лучшим способом разрешения конфликта является третейское разбирательство. Посредничество — панацея от всех «недоразумений», возникающих между

капиталистами и рабочими. Между прочим, статистические обследования указывают, что 27% стачек в Японии в 1930 г. было сорвано третейскими разбирательствами. 23% третейских судей составляли полицейские: от начальников местных полицейских участков вплоть до самого главы полицейских во всеяпонском масштабе — нач. Главного полицейского управления.

В январе 1931 г. большой шум вызвало в Японии требование объединений судовладельцев Кобэ и Осака сократить минимальную заработную плату морякам коммерческого флота на 15 и даже 20 процентов. На «защиту» интересов рабочих выступил сам могущественный и махрово реакционный Японский союз моряков (Нихон Кайин Кумияй). Переговоры с судовладельцами возглавлял председатель союза г. Хамада. Несмотря на широковещательные заявления о том, что ввиду боевого настроения моряков профсоюз не пойдет ни на какие уступки, на экстренном заседании совета союза моряков 19 января 1931 г., посвященном вопросу об установлении линии поведения представителей союза, выделенных вести переговоры с судовладельцами, Хамада в двухчасовой речи обрисовал кризисное состояние японского морского транспорта и потребовал согласия на сокращение лимита зарплаты. В его речи красной нитью проводилась мысль о том, что рабочие и служащие не имеют права безучастно относиться к затруднениям «высшего целого» — производства, а следовательно они не должны игнорировать законных интересов предпринимателей. Этот призыв стать на «производственную точку зрения» при обсуждении создавшегося положения характерен для общей линии социал-фашизма, в особенности последнего периода углубляющегося мирового кризиса. Социал-демократия всех стран озабочена развалом капиталистической экономики и прилагает все усилия к тому, чтобы оказать посильную помощь своим хозяевам. В заключение своей речи Хамада заявил, что он надеется, что «в соответствии с тем, что я говорил, немедленно будет принято окончательное решение. Если большинство выскажется против сокращения зарплаты, председатель Союза моряков (т. е. сам г-н Хамада) немедленно подаст в отставку. Если же большинство со мною согласится, то люди, выступающие против, поскольку они выступают против мнения союза, должны серьезно поразмыслить, оставаться ли им в союзе или его покинуть».¹ Таким тоном вынужден был говорить г-н Хамада, учитывая вели-

¹ См. Осака Майнити Симбун от 21 января 1931 г.

чайшее возбуждение среди моряков, вызванное требованиями судовладельцев. Этот тон сам по себе показывает, насколько далеко зашел процесс внутренней дифференциации даже в столь определенном объединении как Нихон Кайин Кумиай. Угрожая своим уходом, Хамада не только сигнализирует остроту создавшегося положения, но и требует быстрее самоопределения небольшой оппозиционной группы, образовавшейся в Союзе, настаивая на ее капитуляции или удалении из Союза. Несмотря на отдельные выступления против политики руководства, совет Союза моряков в целом поручил персонально Хамада установить детали соглашения с хозяевами, и с а п л о д и с м е н т а м и санкционировал принципиальное согласие на сокращение минимума заработной платы.

Эти символические аплодисменты сокращению заработной платы демонстрируют последовательность социал-фашистов в проведении ими генеральной линии укрепления капитализма ценою прогрессивного ухудшения положения рабочего класса даже в приложении к их цитадели организации верхушечных слоев японских моряков — Нихон Кайин Кумиай. Грандиозный конфликт, охвативший крупнейшие судоходные компании Японии закончился таким образом победой предпринимателей.

Значительный интерес представляет собой тактическая линия социал-фашистов в отношении Парламента, проявляющаяся за последнее время как в программно-агитационных выступлениях «пролетарских» депутатов Парламента, так и в специальных документах реформистских партий, посвященных анализу основных политических тенденций японского капитализма. Фашизация японского государства признается фактом даже отдельными открыто буржуазными политиками. Журналистская проницательность связывает нередко прогрессивный процесс фашизации с деятельностью определенных особо колоритных фигур, выступающих на японской политической арене. Победа Минсэйто дала повод в свое время некоторым не только буржуазным, но и «левым» политикам праздновать победу «демократии» над фашистскими тенденциями. Беспощадный белый террор, установивший режим неслыханного даже в японских условиях полицейского произвола, ознаменовал деятельность «демократического» правительства партии Минсэйто. Развитие реакционного законодательства (закон о профсоюзах, аграрные реформы, «уточняющие» положение арендаторов, ухудшение уголовного кодекса) характеризуют рост «демократических», «парламентских» тенденций в японском государственном аппарате.

Только буржуазный либерал может противопоставлять нынешнюю буржуазную демократию фашистскому режиму, как принципиально отличающуюся от нее политическую форму. Этим противопоставлением соц.-демократ сознательно обманывает массы, дабы скрыть от них тот факт, что современное капиталистическое государство представляет собою буржуазную диктатуру и тогда, когда оно выступает в форме фашизирующей буржуазной демократии, и тогда, когда оно выступает в форме открытого фашизма (Д. Мануильский, стенограмма доклада на XI пленуме ИККИ).

Во всяком случае в ряде печатных выступлений социал-фашистских теоретиков отчетливо сквозит желание завуалировать процесс фашизации, развивающейся в Японии в гигантских масштабах.

Тем любопытнее протекает «практическая деятельность» пролетарских депутатов в стенах Парламента. Позиция этих депутатов несравненно более выгодная, нежели положение социал-фашистских депутатов в западно-европейских «классических» парламентах. Во-первых, потому, что «пролетарские депутаты» составляют ничтожное меньшинство в японском парламенте и, следовательно, им открыты широчайшие возможности жонглировать левыми фразами, обещаниями и предложениями и ссылаться в то же время на неизбежную бесплодность всей этой «активности», пока не будет завоевано приличное большинство. Во-вторых, чрезвычайная раздробленность социал-фашистских «пролетарских» организаций, что находит свое отражение и в парламентском представительстве, открывает путь к симуляции внутренней борьбы между ними, чем достигается придание некоторым из них ореола революционности, сплошь и рядом подкрепляемого полицейскими преследованиями.¹

Этими серьезными преимуществами японских социал-фашистов объясняется значительное отличие их парламентских выступлений от программных установок. Член ЦК Сякай Минсюто Катаяма Тэцу — как парламентский оратор неизмеримо радикальнее Катаяма — теоретика социал-фашизма, оправдывавшего правительственные репрессии по отношению к коммунистическим рабочим. Центристы, являющиеся самыми отъявленными оппортунистами — вроде депутата Асахара, наряду с образцами собственной

¹ Особенным успехом пользовалась Дзэнкоку Тайсюто, подвергавшаяся неоднократным «полицейским дознаниям», вплоть до краткосрочных арестов вождя партии Асоо Хисаси.

жалкой «критики» капитализма, оперируют сплошь и рядом аргументами, заимствованными из коммунистической печати.

Характерны в этом отношении выступления «пролетарских» депутатов во время предпоследней 60-й сессии парламента, подогретые экономическим кризисом и полным крахом всех «рационализаторских» мероприятий Хамагути-Иноуэ. Первое выступление «пролетарского фронта» с критикой правительственной политики на 60-й сессии имело место 20 января 1931 г. Выступивший г-н Асахара Кэндзо был встречен возгласами: «поезжай в Россию», что само по себе должно было явиться актом замаскированного поощрения «левых» фраз со стороны социал-фашистов и признанием необходимости квази-коммунистического революционного курса «пролетарских партий» в сложной обстановке всеобщего полевения рабочего класса.

Нужно сказать, что несмотря на нарочитую патетику в выступлении парламенгского представителя Дзэнкоку Тайсюто и внешнюю враждебность его непосредственных слушателей — вся его «критика» деятельности правительства носила сугубо социал-фашистский характер. Достаточно указать на то, что в своей двухчасовой речи по всем затронутым вопросам Асахара, «левыми» громкими фразами «заостряя» данную тему, не сделал ни одного сколько нибудь серьезного вывода из обрисованного им положения. Говоря о полицейских преследованиях, он отнюдь не случайно ни одним словом не заикнулся о тех особых репрессиях, которым подвергаются заподозренные в принадлежности к коммунистическим организациям, «громя» политику роста вооружений, он сделал вид, что ему «неясно», против кого вооружается японский империализм, наконец само разоблачение политики колониального грабежа на Формозе по сути дела свелось лишь к требованию видоизменения структуры колониального управления на Формозе и рационализации методов колониальной эксплуатации.¹ Наконец, основные требования, выдвинутые Асахарой — сокращение рабочего дня, установление расширенных возрастных ограничений для рабочих и страхование от безработицы — целиком укладываются в рамки мероприятий, связанных с проведением капиталистической рационализации, как бы от нее на словах сам автор ни открещивался. Сокращение рабочего дня на языке предпринимателей означает сокращение заработной платы и сокращение размеров

¹ Кстати сказать, требование отставки министра колоний Мицуда, выдвинутое партией Сэйюкай и поддержанное «пролетарскими» партиями, было выполнено, с некоторым, правда, запозданием при реконструкции кабинета, произведенного новым премьером Вакацуки.

производства в связи с кризисом, расширение возрастных ограничений в Токиоском муниципалитете, в частности, означает увольнение рабочих, достигших предельного возраста и наем на их место молодежи, работающей за пониженную оплату. О пресловутом страховании от безработицы мы уже говорили. Социал-фашисты всеми силами стремятся оградить капиталистов от уплаты страховых платежей из их карманов и в той или иной форме переложить бремя страхования на плечи самих трудящихся. Наиболее замаскированной формой этого служит требование отнесения расходов по страхованию за счет казны (для капиталистического государства это даст лишь предлог увеличить налоговый пресс).

Ничем, разумеется, не отличаются принципиально от выступлений центристов парламентские выступления правых и «левых» социал-фашистов. Депутат Сякай Минсюто Нисио в своих запросах, внесенных в Парламенте 29 января 1931 г., лишь еще более тускло, чем Асахара, «пожаловался» на то, что правительство Минсэйто отнюдь не намерено выполнять все свои избирательные обещания, особенно те из них, которые сулили всякие блага трудящимся. «Нынешний кабинет», заявил Нисио, «как будто бы пропагандировал социальную политику, исходя из целей удовлетворения масс. Но разве эта политика в какой либо мере реализована?»... «В Министерстве торговли и промышленности проводилась политика созидания безработных, иными словами, политика промышленной рационализации»... «Употребляя слова Сноудэна, преодолевшего сопротивление капиталистов своей страны при решительном проведении усиленного обложения налогами в Англии, надобно сказать, что в период такой депрессии (sic!), какую мы переживаем, надлежит осуществлять социальную политику, хотя бы ценой первоочередного повышенного налогового обложения класса капиталистов». Последняя тирада, несмотря на очевидную фальшивость ее пафоса, вызвала бурные аплодисменты всей группы «пролетарских» депутатов, присутствовавших в палате. Г.г. Ояма, Асахара и др. проявили свой энтузиазм с тем, чтобы, очевидно, дать выход собственным скрытым министриалистским вождениям. Недаром со скамей правительственной партии послышались одновременно с этим по адресу оратора дразнящие замечания: «Образуйте сперва рабочий кабинет!»

Выступления вождя «левых» в Парламенте, Ояма Икуо, неизменно сопровождаются большим количеством обструкций и разного рода скандалов, связанных с личными выпадами против Ояма со стороны минсэйтовских

и сэйюкайских депутатов. По тону (не говоря уже о содержании) выступления эти почти во всех случаях совпадают с тем, что говорят остальные «пролетарские» депутаты. В особенности тождественны по стилю речи Ояма и Асахара (Роното и Дзэнкоку Тайсюто). Эта близость, разумеется, не является простой случайностью. Совпадение тактической линии (не говоря уже о политических взглядах) «левых» и центристов неоднократно проявлялось уже в процессе переговоров о слиянии трех партий. Как раз в январе 1931 г. Дзэнкоку Тайсюто принял решение о необходимости первоочередного слияния с Роното, поскольку с этой партией ее объединяет «единая классовая линия». Почти во всех случаях, требовавших немедленного декларативного выступления в Парламенте от «пролетарских» масс, выступали совместно Роното и Дзэнкоку Тайсюто, причем ораторы соперничали в большей «революционности» и левизне своих заявлений.¹ Источник этого нужно искать в действительно имеющейся на лицо конкуренции двух «левых» социал-фашистских партий, претендующих на то, чтобы иметь господствующее влияние в пролетарских массах. Социал-фашизм не может существовать без достаточно гибкого «левого» крыла. Положение «левого» крыла весьма выгодно в с.-д. системе. Поэтому Дзэнкоку Тайсюто упорно стремилась отвоевать монополию «левизны», принадлежавшую Роното. Весьма характерно поэтому, что когда слияние 3-х партий все-таки состоялось, то Ояма принял все меры к тому, чтобы сохранить за собой привилегии «левого», фрондирующего против оппортунистического руководства, хотя бы и в рамках одной партии.

«Рабочее законодательство» правительства Минсэйто также в значительной степени являлось лакмусовой бумажкой для определения социал-фашистской сути японских «пролетарских» партий. Так как правительство еще до открытия последней парламентской сессии заявило о том, что оно намерено внести законопроект о профсоюзах, то содержание этого законопроекта стало предметом оживленнейших дебатов во всей японской печати. Видные промышленники заявили протест против намерения правительства «узаконить стачки» и создать источник постоянных конфликтов между рабочими и предпринимателями. В свою очередь реформисты начали длинную серию совещаний в целях возможного «углубления» закона. Нужно сказать, что до сего времени профессиональные

¹ Как на пример такого совместного выступления можно сослаться на интерpellацию Ояма и Асахара по поводу покушения на тов. Аникеева, отвергнутую президиумом палаты.

союзы, даже как определенная форма объединения работников, игнорировались японским законодательством. Господствовало представление в связи с этим, что профсоюзы являются вообще нелегальными организациями. Абсурдность и невыгодность этого положения стала очевидной для правящих кругов лишь тогда, когда профсоюзы стали приобретать массовый характер и когда, следовательно, появилась опасность, что они смогут явиться серьезным аккумулятором революционной энергии. В соответствии с этими опасениями и был выдвинут проект легализации профсоюзов, ставящий своей целью предотвращение революционизирования профессионального движения путем обеспечения полицейского контроля над ним. Правительственный законопроект, представленный правительством Минсэито, устанавливал следующие признаки, обеспечивающие официальное признание и регистрацию профессионального союза: 1) объединение рабочих одинаковой профессии или работающих в одной или близкой отрасли промышленности;¹ 2) целью объединения является улучшение или поддержание существующих условий труда, взаимопомощь членов объединения и др. виды охраны общих интересов. Проект «признавал» также право объединений образовывать более крупные профессиональные единицы — федерации. Наиболее важными пунктами в проекте являлось следующее: запрещение предпринимателям обуславливать наем на работу непринадлежностью к профсоюзу и установление постоянного административного контроля над деятельностью союза, причем этот контроль мог повлечь за собою полное запрещение (приказ о роспуске профсоюза от соответствующего министра в случае угрозы общественному спокойствию) или требование отмены отдельных незаконных или «общественно-вредных» действий союза.² Одновременно с этим законом, фактически означавшим немедленную ликвидацию левых профорганизаций ценою «легализации» Содомэй и др., правительство Минсэито намеревалось для компенсации промышленников издать закон об установлении обязательного принудительного арбитража в «рабочих конфликтах». Проект исправления «закона о третейском разбирательстве в рабочих конфликтах» предусматривал приравнение ряда частных промышленных предприятий к государственным в смысле ограждения их от столь часто возникающих стачек. Даже Сякай Минсэито заняла сразу же резко

¹ Из последней редакции это примечание было исключено.

² Проект накладывал прямой запрет на участие профсоюзов в политических избирательных кампаниях (парламентских, муниципальных и пр.) путем сбора средств среди членов союза или путем ассигнования основных фондов союза.

отрицательную позицию по отношению к правительственной инициативе в отношении «незаконного посягательства на право стачки», хотя весьма недвусмысленно выразила впоследствии свою готовность поддержать первый правительственный законопроект о профессиональных союзах. По этому вопросу наметились даже весьма значительные прорывы в едином «пролетарском парламентском фронте». Дело в том, что Дзэнкоку Тайсюто как раз совместно с Сякай Минсюто выработал свой контр-проект закона о профсоюзах. Этот контр-проект предусматривал освобождение профсоюзов от всех видов налогов, ненаказуемость бойкота, демонстраций и пр. видов борьбы во время стачки, передачу права роспуска профсоюза или отмена его действий местному суду и пр. Однако 21 января 1931 г. целый ряд видных лидеров Сякай Минсюто (в том числе находится депутат Нисю и генеральный секретарь Акамацу) нанесли визит исп. об. премьеру Сидэхара и заявили о своей готовности поддержать правительственный проект закона о профсоюзах, «несмотря на его несовершенство», при условии быстрого его внесения в Парламент. Неожиданность подобного акта смутила даже открыто буржуазные круги. Представители Тайсюто и Роното заявили по этому поводу, что Сякай Минсюто совершила предательский акт по отношению к единому фронту пролетарских партий. Однако, инцидент был ликвидирован исключительно быстро и бесследно. Уже 12 февраля Нихон Кайин Кумиай, занимающий обычно еще более открытую оппортунистическую позицию, чем Сякай Минсюто, опубликовал свою резолюцию, в которой решительно высказался против правительственного профсоюзного законопроекта. Когда же правительство открыто показало свою капитуляцию перед фашистски настроенной частью предпринимателей и «похоронило» свой собственный законопроект, то представители всех трех «пролетарских» партий дружно и согласованно развернули антиправительственную кампанию под крайне революционным для них лозунгом «роспуск парламента». Левый вождь Дзэнкоку Тайсюто Асоо в порядке личной инициативы предпринял шаги к установлению дружеского контакта с лидером Нихон Кайин Кумиай Хамада на базе «борьбы за единый фронт». Оправдывая это свое выступление, Асоо заявил, что серьезнейшим моментом в деле достижения единого фронта является сотрудничество пролетарских партий с профессиональными организациями, а потому он считал необходимым выяснить позицию и «правых рабочих объединений», причем остался весьма удовлетворен результатом беседы с Хамада.

Итак, лицо японского социал-фашизма столь же неприглядно, как и облик его европейских и американских собратьев. Организационный разброд не мешает, а наоборот, скорее подчеркивает внутреннее идеологическое единство японских социал-фашистов, ищущих лучших путей служения капитализму и соперничающих в лучшем выполнении охранных функций. В обстановке жесточайшего экономического кризиса, выступающем, как всеобщий кризис капиталистической системы, буржуазии вполне необходима помощь социал-демократии в проведении наступления на жизненный уровень пролетариата. Выполняя эту ответственную функцию, социал-фашисты стремятся использовать всякую возможность расширения своего влияния в массах, поэтому они непрестанно изыскивают все новые и новые средства уловления рабочих при помощи «левой фразы». Сплошь и рядом эта «левая» фраза сопровождается явно демагогическими действиями, рассчитанными на завоевание доверия широких слоев трудящихся к социал-фашистам. Примером таких действий может служить организация материальной помощи безработным, построенная на началах классической буржуазной благотворительности (базар с распродажей хлеба в «Фонд борьбы», организованный Дзэнкоку Тайсюто). Генеральной же линией экономической политики социал-фашизма, как это показывает практика их посредничества в конфликтах рабочих с предпринимателями, остается облегчение проведения капиталистами политики промышленной рационализации, т. е. увеличение безработицы, сокращение заработной платы (пример — Нихон Кайин Кумнай). Невозможность в данный момент для японских социал-фашистов сразу же принять личное непосредственное участие в «строительстве» капитализма путем образования своего правительства или прямого внедрения в госаппарат отнюдь не замедляет процесса углубления внутренней фашизации всех разновидностей японской социал-демократии. Еще в 1929 г. ведущая с.-д. партия Японии, Сякай Минсюто на своем IV-м съезде устами проф. Абэ выдвинула программу будущего активного действительного участия в государственном руководстве капиталистической Японией, предназначая себе роль спасителей не только «нации», но и династии. Но если в стране Запада соц.-демократия выросла в капиталистический государственный аппарат через захват государственных должностей, через парламенты и муниципалитеты, то в Японии отсутствие этого «врастания» компенсируется большим развитием коррупции с.-демократических про-союзных вождей и непосредственной материальной заинтересованностью не-

только отдельных лиц, но и целых объединений в представлении капиталистических хозяев.

По мере сокращения колониальных сверх-прибылей японского империализма и размывания прежней устойчивой базы оппортунизма в рабочем движении — верхнего слоя квалифицированных рабочих (в особенности некоторых отраслей производства) по мере роста фашизации с.-д., социал-фашисты отыскивают новую более устойчивую социальную базу. Этот процесс особенно ярко проявляется в том, что буквально все программные документы «пролетарских» партий настойчиво указывают на необходимость выдвижения специальных требований и защиты интересов «класса городских трудящихся». Это выражение означает широкие слои мелкой буржуазии. Еще в избирательных документах партии Нихон Тайсюто было прямо указано, что первой задачей является завоевание «класса мелкой буржуазии», второй — расширение рабочих профсоюзов.

В вопросах отношения к подготовке новой империалистической войны японский социал-фашизм безусловно ни в какой мере не уступит никакому другому. Если правые открыто выдвигают свой проект усиления японских вооружений, то левые (в лице Ояма) открыто саботируют работу по мобилизации масс на борьбу с военной опасностью. «Левейший» Хососэко и тот же Ояма демонстративно призывают рабочих игнорировать Антиимпериалистическую Лигу, поскольку она является «орудием в руках коммунистов». И если маневрируя вся международная социал-демократия говорит о своей готовности «бороться» за сохранение мира и даже высказывается против нападения на СССР, — то лишь как отражение этого общего маневра, вызванного всеобщим полевением рабочего класса, г. г. японские социал-фашисты проявляют трогательные чувства по отношению к пролетариату СССР. Пятилетка и блестящее ее выполнение вызывает бешенство капиталистического мира и восторг пролетариев. Поэтому, госп. Асоо Хисаси в своих трудах, равно как и в журнальных статьях нигде не проявляет недружелюбных чувств по отношению к пролетарской революции в России, и даже стремится занять все более «дружественную» позицию по отношению к социалистическому строительству в Советском союзе.

Теоретические установки японского социал-фашизма по вопросам «китайской политики» и «военной политики» 1928-29 гг., разобранные нами в начале статьи, получают свое дальнейшее практическое развитие в связи с грабительской интервенцией Японии в Манчжурии 1931-32 г.

Углубление кризиса капиталистического мира, особо катастрофическое положение империалистической Японии, которая способна развиваться только паразитически, за счет колониального грабежа (будучи лишена самостоятельной сырьевой базы и достаточно емкого внутреннего рынка), рост революционной активности пролетарских масс — толкнули японских помещиков и капиталистов на разбойничью войну с Китаем. В этот решительный момент японский пролетариат рядом выступлений продемонстрировал свою готовность бороться против преступных военных авантюр интервентов. И социал-демократия немедленно приняла меры к тому, чтобы оказаться на высоте поставленных перед нею охранительных задач. Специально выделенная Ц. К. Сякай Минсюто Комиссия по выработке резолюции в связи с «Манчжурско-монгольским вопросом» (в составе гг. Катаяма (Гэцу), Коикэ и Симанака) приняла следующее решение:

1) «Монголо-манчжурский вопрос вызвал прискорбные столкновения между Китаем и Японией, что заслуживает глубочайшего сожаления. Мы уверены, что ответственность за это лежит в одинаковой степени и на китайской военщине, допустившей несправедливые созвательные антияпонские действия, и на ошибочной традиционной буржуазной дипломатии Японии и ее манчжуро-монгольской буржуазной политике».

2) «Стремясь к международному социализму и учитывая необходимые ступени строительства социалистической Японии, мы признаем несправедливым нарушение наших договорных прав и интересов в Манчжурии и Монголии».

3) «Отвергая ошибочный буржуазный контроль над Манчжурией и Монголией, существовавший в прошлом, мы высказываемся за установление социалистического государственного контроля и уверены в том, что коренное разрешение монголо-манчжурской проблемы заключается в установлении общей экономики Японии и Китая в Манчжурии и Монголии в жизненных интересах обоих народов».¹

Этот знаменательный документ получил, само собой, разумеется, полное и безоговорочное одобрение всей партии Сякай Минсюто. Еще бы! Разве это не блестящее оправдание манчжурской интервенции, способное затмить аргументацию японских официальных дипломатов. «Социалистическое строительство» капиталистической Японии невозможно без «социали-

¹ Опубликовано в газете «Хоти Симбун» от 23 ноября 1931 г.

стического контроля» над Манчжурией и Монголией. «Социалистический контроль приводит к общей экономике». Пример Кореи показывает, какие возможности таит в себе «общая экономика» с Японией.

Социал-фашизм не может не оправдывать интервенции. Напротив, он активно готовится, принимает на себя ответственнейшие функции в империалистическом механизме. Он «объясняет» массам империалистическую политику, он активно срывает забастовки и помогает полиции ловить коммунистов. В то же время он пока еще вынужден обманывать массы, изображая себя в роли «друга» СССР. Процесс полевения широких слоев и крестьянства дает себя знать.

В самом начале нашей статьи мы уже упоминали о том специфическом обмане рабочих «восторженными» фразами о Ленине и ленинизме, которые практикует г. Ояма. В сентябрьском № журнала «Кайдзо» за 1931 г. г. Ояма, продолжая развивать и углублять эту свою линию, заявляет следующее: «Сталин так говорит о Ленине: Ленин презирал людей, желавших поучать массы умным вещам по своим книжкам и ставивших себя над массами. Ленин сам учился у масс, стремясь проникнуть мыслью в глубины действий масс и детальнейшим образом изучал реальный опыт массовой борьбы. Именно вера в творческую силу масс является отличительной чертой всех действий Ленина. Он был тем, кто своим призывом к неподготовленным массам заставлял их усваивать величайшие идеи и побуждал идти по пути пролетарской революции (Сталин «Ленин и ленинизм» немецк. изд. стр. 160—161). Эти проникновенные и ясные слова Сталина — как сильно заставили они стучать мое сердце». (Ояма, «О себе, как о солдате освободительного фронта на новом отправном этапе»)¹ Скромный г. Ояма несколькими строками ниже с исчерпывающей ясностью объясняет, почему его сердце обладает такой изумительной отзывчивостью на изложение Сталиным ленинского революционного учения. Оказывается, что тов. Сталин, говоря о Ленине, нечаянным образом раскрыл внутренние качества и самого г. Ояма. «... То, что неизменно возвращало меня от безнадежности к новым надеждам — это моя абсолютная безграничная вера в правильный классовый инстинкт масс» (там же). Итак, г. Ояма всерьез думает играть роль вождя революционных японских пролетариев. Но сколько бы он и его эпигоны не призывали Ленина в свидетели своей ортодоксальности, ничто

¹ Кайдзо, 1931, № 9, стр. 46—47.

не сможет скрыть факта прямого предательства ими интересов рабочего класса и их желания утопить революционный пролетариат в болоте мелко-буржуазного радикализма.

Начиная от Сякай Минсюто (с его новейшими профсоюзными кадрами в лице Родо курабу) и вплоть до ликвидаторской «рабочей оппозиции», вышвырнутой рабочими из компартии Японии — единый социал-фашистский фронт противостоит сейчас японскому пролетариату. Разгромить социал-фашистов, разоблачить перед широчайшими массами рабочих и крестьян подлинную физиономию правых и «левых» «пролетарских» партий — это значит уничтожить буржуазную агентуру в рядах рабочего класса и неизмеримо ускорить наступление торжества пролетарской революции в Японии.
